

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СИНЕЕ ПЛАМЯ

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ЦВЕТOK ЯБЛОНИ

Синее пламя

Алексей Пехов
Цветок яблони

«Автор»

«Автор»

2022

Пехов А. Ю.

Цветок яблони / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор»,
2022 — (Синее пламя)

Демоны пришли из мрака и ночь окрашена в цвет крови. Война разгорается. Героям, каждый из которых прошел долгий путь, придется решить для себя, на чьей они стороне и чем готовы пожертвовать, чтобы исправить прошлое эпохи Шестерых.

© Пехов А. Ю., 2022

© Автор, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	29
Глава четвертая	48
Глава пятая	56
Глава шестая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Алексей Пехов

Цветок яблони

Глава первая

Лучшее, что у меня было...

*Эта война, мой друг, куда сложнее, чем кажется.
Если ты полагаешь, что это дела волшебников,
которые не коснутся нас с тобой, простых людей, ты жестоко
ошибаешься.*

*Она не останется в границах Талориса, выйдет за пределы
школы через несколько дней и поглотит весь мир. Вспоминай его.
Прежним он больше не будет.*

Никогда.

*Письмо главы ордена Таувинов отправленное Единому королю.
5 день войны Гнева.*

Ночь длилась бесконечно.

Непроглядная, густая, тягучая и по-летнему душная, она вонючим грифом-падальщиком опустилась на Риону, поправ, пируя и втягивая в себя запах смерти. Казалось, что ее власть будет длиться вечно, но спустя, возможно, годы она начала распадаться на клочки. Деформироваться, таять, истончаться, терять плоть, точно труп, лежащий в степи, терзаемый солнцем, ветром, дождем, насекомыми, зверьем и птицами.

Исчезала неохотно, цеплялась когтистыми лапами за дома, пыталась содрать с них черепицу, проникнуть внутрь, лишь бы спрятаться от рассвета. Растворялась в кварталах, бледнела, превращаясь в сумерки.

Серые, блеклые и нечеткие они поработили город, не исчезали с приходом утра и длились до самого вечера, чтобы вновь загустеть и соткаться в темного падальщика.

Слишком привлекательна сейчас Риона для трупоедов.

Пока же солнце, словно утопленник, всплывший на поверхность пруда, раздувшийся и отталкивающий, поднималось из-за моря лишь для того, чтобы застыть в паре дюймов над горизонтом.

Маленькое. Белое. Тусклое. Не дающее ни тепла, ни света. Оно очень напоминало Тэо глаз вареной рыбы.

А, может, и не рыбы.

Глаз Шерон.

Вот что.

Акробат потерял правое плечо. Рана, нанесенная ему шауттом во время боя на улицах, заживала удивительно быстро, остался лишь темно-красный шрам. А вот боль, та, которую он ощутил в первое мгновение, возвращалась. Засела где-то в срастающихся мышцах и нет-нет напоминала о себе.

Демон отравил его кровь. Тэо знал, что именно так поступали лунные люди, когда желали убить сильного асторэ. Заражали кровь той стороной, насыщали мраком. Акробату повезло, что в него попала лишь жалкая капля другого мира – и искры в теле сражались с ней. От этого Пружину бросало то в жар, то в холод.

Он стоически терпел, справлялся молча, ощущая вкус пепла на языке, запах гари и горелой плоти разъедал его ноздри, костистые пальцы скребли нёбо, драли гортань. От этого смрада было больно глотать, словно острая рыбья кость застряла где-то в глотке.

В гавани сонно шептал ветер, стелился над угольно-черным пространством, появившимся после пожарища, петлял между остовов прогоревших зданий, скидывал хвостом золу и прах сотен погибших в сонную серую воду.

Этот прах, невесомая пыль, пачкал ботинки, ластился к ним словно всеми забытый, брошенный пес. Никто не отличил бы его от песка.

Никто, кроме Шерон.

Впрочем, Тэо уже давно не думал о том, по чему или кому ходит в последние дни. И сейчас смотрел лишь на горизонт, туда, где только его золотистые глаза различали две едва заметные точки.

Два корабля. Один уходил из Треттини, другой же, вопреки всякой логике любого разумного существа, плыл к городу. О втором Тэо совсем ничего не ведал, а вот о первом мог бы рассказать многое.

О том, как благодаря Мильвио его нашли и оплатили. О том, кто теперь уходит на нем, и как тяжело его было отпустить. «Радостный мир»... Мьи уплывала в Алагорию, а затем дальше на восток. В земли, где нет войны и куда зараза Темного Наездника пока еще не доползла. Быть может в Нейкскую марку или Лоскутное королевство.

Прощавшись с ней, Пружина ощутил странную пустоту, словно он лишился части себя. Утешало лишь осознание – он поступил правильно.

Отпустил. Не пошел с ней, и теперь ничто не будет угрожать Мьи.

Он не хотел думать о будущем. О том, что их всех ждет, пускай и на разных краях мира. Когда-то, еще до Туманного леса, Мильвио сказал ему о живучести надежды. Что она будет существовать в некоторых сердцах даже если погаснет солнце и смерть станет дышать в затылок.

– Это глупо, Фламинго, – скривилась тогда Лавиани, слышавшая их беседу. – Цепляться за мечты.

– Они дают силы. И мечта, и надежда.

– Мне не дали ничего. Лишь разочаровали. Почти уничтожили. Только наивные юнцы цепляются за такое.

Мильвио развел руками:

– Ты не станешь отрицать, они даруют шанс не сойти с ума и двигаться дальше.

Сойка сплюнула с глубочайшим презрением к озвученному, но в спор не полезла. Она не из людей, признающих чужие утверждения, даже если в глубине души и считают, что собеседник совершенно прав.

Корабль скрылся, растворился между небом и морем, и Тэо, тяжело вздохнув, пошел вдоль берега. Четыре конных гвардейца, выделенных герцогом, чуть помешкав, чтобы акробат в очередной раз не обратил на них внимания, пустили лошадей шагом.

Эскорт не мешал, хотя Тэо считал его лишним. Но так правитель показывал, что ценит единственного асторэ в своей стране и, кажется, ему это сопровождение было гораздо важнее, чем Пружине.

Серые сумерки. Бесцветный не-день.

Кроме Тэо и его молчаливых спутников в гавани ни души. Даже крысы и те погибли во время начавшегося пожара, а другие, из города, так и не пришли сюда.

Никто не разбирал оставшиеся после грандиозного пожара обгорелые руины, не говоря уже о том, чтобы спешить приступить к восстановлению порта.

Тэо сам не знал, куда идет. А, главное, зачем. Яд той стороны холодил его кровь, пытался плющом оплести сердце, давил на виски, и Тэо знал, как сейчас выглядит.

Растрепанный, потный, с синяками под глазами и походкой столь осторожной, словно он наступал на тонкий лед. Или боялся при каждом шаге вызвать новый приступ боли.

Возле выгоревшего остова маяка, на остатках пожарища, раньше бывшего жилым кварталом, расположенным между морем и портовыми складами, Тэо увидел старую рыбацкую лодку, выцветшую, давно потерявшую хоть какой-то намек на краску. Она стояла на земле среди черных головешек, каким-то чудом не сожранная огнем, и в лодке с видом мрачной меланхолии, похожая на кладбищенскую ворону, закинув руки за голову, полулежала Лавиани, смотря в низкое сизое небо.

Когда Пружина подошел ближе, она на мгновение скосила глаза на него и вновь занялась созерцанием туч. Лучшее занятие для подобного дня.

Во всяком случае, ее поза говорила именно об этом.

Тэо сел возле лодки, прямо на обугленную землю, прижавшись спиной к борту.

– Твои асторские штучки? – сойка дала себе труд начать беседу первой.

Голос у нее звучал не раздраженно, как это обычно бывало. А блекло. Устало. Тускло.

У многих, кто все еще остался в Рионе, он теперь такой.

– Штучки?

Корабль, стремившийся к Рионе, стал чуть больше. Раньше – едва различимая точка. Теперь угадывались треугольники и квадраты парусов. Но все еще слишком далеко, чтобы рассмотреть детали.

– Ты нашел меня. Явно асторские штучки помогли тебе в этом.

– Не поверишь, но я не искал тебя. Провожал Мьи.

Лавиани едва слышно кашлянула, и если бы это был другой человек, то Пружина готов был поклясться, что она пытается скрыть неловкость из-за того, что забыла.

– Они уплыли? Сегодня?

– Да.

– И на душе у тебя теперь скребут кошки?

– Немного.

Помолчали.

– Ну... ей будет лучше без тебя. Безопаснее.

– Это ты так утешаешь? – он не удержался от грустного смешка.

– Утешения и вытирание чужих слез не являются моими достоинствами. Сказала очевидную вещь, которую ты сам знаешь. Шаутты снова и снова станут пытаться тебя прихлопнуть. Ты слишком уж наострился прореживать их ряды. Так что Мьи, в отличие от меня, повезло быть подальше от тебя. Это ты чего там? Смеешься, что ли?

– Сейчас такое время, что даже не знаю, кто в нашей компании несет большую угрозу.

Лавиани негромко выругалась. Гвардейцы в отдалении терпеливо ждали, когда Тэо соизволит отправиться дальше.

– Эти дубины в седлах теперь присматривают за тобой?

– Да. После того, как герцог узнал, что я сделал в Рионе.

– Экая благодарность от самовлюбленной дряни! – фыркнула сойка. – Зато он больше не дуется, что когда-то ты отказал ему. Подумаешь, нелепица, цирковая труппа. Уж куда... как это слово... Бланка говорила... куда престижнее владеть собственным асторэ, чем акробатом. Акробатов много, а вашей братии – по пальцам одной руки можно сосчитать.

– Он не владеет мной.

– Понятно, что Анселмо заблуждается на сей счет, но мы же не станем ему об этом сообщать и портить без того дурное настроение? Кстати, я сильно удивлена, увидев тебя. По всем правилам, после драки с демонами ты должен витать в грезах, да видеть десятый сон. Что-то изменилось?

Изменилось. С той ночи прошло уже несколько суток, но Тэо так и не провалился в глубокий сон, что стал для него проклятием после Туманного леса. Спал, как обычный человек, иногда всего по три часа, и вскакивал вместе со всеми, слушая, как страшно и долго умирает великий город. Гниет по частям-кварталам, распространяя яд по сосудам-улицам, захлебываясь смертями, все больше превращаясь в кладбище.

– Не спится.

– Ага. Так я и верю. Когда было надо, тебя не растолкать. А лишь все мы стали шататься каждый по себе, ты бодр и полон сил.

Тэо склонил голову набок, потер плечом щеку, все также глядя на море и корабль.

– Возможно, это из-за случившегося. Слишком много той стороны, слишком близко от меня.

– Ну хоть какая-то польза от дряни, что выпустила Шерон.

– Гвинт.

– Шерон, – жестко возразила Лавиани. – Давай не будем наливать последний мед в озеро желчи. Слаще не станет.

– Но...

– Ты можешь пытаться убедить в этом себя, но не её. Она-то умная девочка и прекрасно знает цену своего поступка. И нет. Я не осуждаю ее. Вообще. Только поддерживаю. Небось, она места себе не находит.

Тэо негромко кашлянул. Звук достаточный, чтобы Лавиани насторожилась.

– Что?

– Шесть дней прошло. Или семь уже? Ты не вернулась во дворец и непонятно где пропала. Так что не в курсе про Шерон...

– И что же с ней? – протянула сойка и высунулась из лодки, глядя внимательно и напряженно.

Акробат помедлил:

– Я могу лишь догадываться, насколько все плохо. Она больна, и Мильвио никого не пускает к ней. Ухаживает и следит сам. Герцог освободил для нее целый этаж Каскадного дворца, на подступах гвардейцы, проход запрещен.

Лицо у сойки застыло, а в прищуренных глазах появилось беспокойство.

– На тебя не очень похоже вот так оставить ее, ничего не узнав и терзаясь догадками. Не поверю, что ты не пытался зайти к ней.

– Конечно, пытался. Но Мильвио просил не мешать. Он сам скажет, когда придет время.

– Рыба полосатая. Что там о себе возомнил этот заносчивый южанин?!

– Полагаю, он куда лучше нас знает, как правильно. Он понимает в этом больше, чем мы. Поэтому я не стал настаивать. Выглядел он встревожено.

– Все сейчас встревожены, – сойка вылезла из лодки, с неприязнью посмотрела на гвардейцев. – Странно было бы, если б радовались и пели. Пожалуй, навещу я дворец. Не спорь. ...Если Фламинго меня и отправит, то пусть сперва объяснится. Но сначала закончу дело.

Он только сейчас заметил, что возле обгоревших останков дома вырыта неглубокая яма. Внизу, среди осыпавшейся со стенок земли, лежали истонченные черные прутки – фрагменты костей.

– Все, что нашла, – буркнула сойка на немой вопрос Тэо, берясь за лопату. – Проклятый огонь шауттов был злющий.

– Кто это?

– Друг. Наверное, я могу назвать его именно так. Старый друг, живший в этом доме. А может его дочь. Поди теперь пойми.

– Мне жаль.

– Нужно мне твое сочувствие, рыба полосатая! – огрызнулась та и начала работу.

Тэо постоял рядом, слушая, как она зло сопит, затем стал помогать, бросая землю руками. Сойка его не остановила.

Они хоронили под взглядами гвардейцев, которые ни во что не вмешивались. Когда могила оказалась зарыта, Лавиани с отвращением отбросила лопату в сторону, отряхнула ладони.

– Ну, вот и все. Всю жизнь ненавидела этот город.

– От города мало что осталось.

– Хм. Твоя правда, Попрыгун. Но мне совершенно не радостно это признавать.

Корабль уже приблизился к гавани настолько, что стал различим рисунок на его косых парусах – ярко-алый гриф.

– Альсакру похоже. Военный корабль Карифа, – Лавиани казалась удивленной. – Они, может, те еще песчаные задницы, но смелые, раз приперлись сюда в такое вре...

Она осеклась, и Тэо тоже почувствовал. Что-то маленькое, холодное коснулось его щеки. Он машинально вытер ее тыльной стороной ладони, а после, задржав голову, посмотрел на низкие облака.

На Рионну, сонно кружась, падали снежинки.

– Прекрасное начало лета, рыба полосатая! – скривилась сойка.

Серые улицы и нависшие над ними истончившиеся, словно от голода, дома жадно впитывали в себя любые звуки. Шум шагов, стук копыт, тяжелое дыхание.

Город пожрал все и теперь его засыпал снег. Но не белый, а светло-серый, больше похожий на пепел из прогоревшего костра. Снежинки очень неохотно таяли, несмотря на теплую погоду, и грязные проплешины легли на брусчатку, стали собираться на карнизах и козырьках зданий.

Тэо стоял на холме, ближайшем к реке, том, на котором веками высился Каскадный дворец и изучал чужую, незнакомую Риону. Так, словно видел ее впервые.

– Если доплыть в Филгам и пересечь весь Дельфин, оказаться на самом юге, где острый мыс лижут волны, а дальше одно лишь бесконечное море, там живут степные племена. Они тоже соланцы. Вроде как, – Лавиани непонятно чему усмехнулась. Каким-то своим мыслям. – Хотя они тоньше, смуглее, да глаза еще более темные. Они сжигают своих мертвых.

– Народ курганов. Я был там однажды с цирком. К чему ты клонишь?

– Мертвецов выносят на берег, обкладывают хворостом, льют масло, убивают быка, если богат. Или курицу, коли беден. Костер хорошо горит, а ветер поднимает пепел в небо. Однажды они сожгли несколько сотен покойников разом. И небо стало отдавать прах назад. Щедро, забыв о жадности. Их деревню засыпало им. Смотри, Попрыгун. Этот странный снег почти такой же, как тот прах. Медленно и величаво укутывает город покойников.

Тэо покосился на нее с сомнением.

– Что, рыба полосатая? Слишком много слов для такой, как я?

– Да еще и высокопарных.

Усмешка прорезала ее суровое лицо. Словно трещина, возникшая на сковавшем озеро льду.

– Должна же я когда-нибудь превратиться в болтливую бабу. Сейчас самое время. Мир, судя по всему, на самом краю и простит мне такую слабость.

Город засыпал снежный прах, и он спал, ожидая, когда вечные сумерки дня превратятся в ночь. Башни высились из серого марева пальцами скелетов, грозя непонятно кому. Районы Трещеток, Пепельной кучи, Удавки, Погребальных слов, Сгоревших слов, Ниток и тех, что тянулись за ними – все они, вплоть до внешних крепостных стен, теперь мертвы. Кто не успел уйти, навсегда остались там.

Тэо помнил, как все случилось. Вода Пьины вскипела, впитала в себя ночь и с рассветом, перебродив, выплеснулась на противоположный берег. Не водой, но тьмой. И та, червями, устремилась в кварталы, пожирая и разрушая все, до чего могла дотянуться.

Теперь это чудовище, огромное, темное, непостижимое, свившее берлогу на останках большей части Рионы, чутко дремало, и Тэо кожей ощущал его дыхание.

– Ты ведь ходила туда?

– Все порой страдают глупостью, мальчик. Но описать увиденное на второй день... Тьма знает, что там устроила зверушка Кара. Синие огни. Живых никого. Я не переступала границу. Видела, кое-кто так делал в поисках пропавших родственников, но назад никто не вернулся. Та сторона всех прибирает к рукам, – она хлопнула Тэо по плечу. – А после граница не пускала уже никого. Давай, Попрыгун. Хватит чесать языками. Пошли. Мы должны проверить, что там с Шерон.

Каскадный дворец словно вымер. Одно крыло было полностью разрушено, через сад и парк к Пьине тянулась сизая плешь. Людей в других частях – практически нет. Пара десятков слуг для поддержания жизни тех, кто все же остался здесь, и одна гвардейская рота охраны. Герцог с семьей, советники, чиновники и благородные перебрались на север, в Леводно, маленький городок в четырех милях от Рионы. Следом за теми, кто обитал во дворце, и многие другие начали покидать то, что до последних дней считалось столицей Треттини. Исход жителей продолжался все это время и не кончился до сих пор. Сперва город оставили самые трусливые, следом за ними последовали осторожные и умные. Теперь наступил черед упрямых, тугодумов и отрицавших до последнего, что все не наладится.

Как полагал Тэо, остались лишь смелые. Или те, кому просто некуда идти.

О последних он сказал вслух, когда они с Лавиани, под молчаливыми взглядами охраны Оранжевого крыла, поднимались по колоссальной лестнице к внешним дверям.

– Да, – согласилась та, внезапно добавив: – Но еще одних ты забыл. Горстку надеющихся на чудо, потерявших родичей в сожженных районах. Такие тоже есть. Давай-ка сейчас войдем, и ты присядешь там, у ваз.

– Зачем?

– В тебе изъян, я его чувствую. Странная болезнь. И то, как ты страдаешь от жара, видно без всяких моих талантов.

– Хм.

– Ты бы не хмыкал, а сказал старой обеспокоенной женщине, что с тобой происходит.

– Шаутт зацепил.

– А ну-ка присядь.

Тэо сел на ступеньки, отряхнув волосы от снежинок.

Лавиани, закрыв глаза, положила шершавую ладонь на лоб акробата. С минуту он изучал ее сосредоточенное лицо, нахмуренные брови, поджатые губы.

– Интересно. – Она наконец отстранилась от него и, не скрываясь, вытерла руку о штанину, словно запачкалась в чем-то отвратительном и ужасно мерзком.

– И это все?

– Я что, по-твоему, из Шестерых, рыба полосатая? Дотронусь – и станешь здоров? «Интересно» это я к тому, сколько в тебе яда: он отравит алую тихоню, черную гадюку и любимого слона карифского герцога. Будь ты приличным человеком, а не каким-то пойдди шаутт пойми асторэ, уже бы помер. Ан, нет. Живешь, дышишь и даже ухмыляешься. Я бы рада помочь, да не знаю как. Вот если Шерон...

Она не стала продолжать, а Тэо не надо было напоминать, что Шерон сейчас не до них. Сойка и так это знала.

Они шли по опустевшим, посеревшим, почти не освещенным коридорам огромного дворца. Тэо замешкался, когда сойка свернула в какой-то проем, толкнув дверь, ведущую в покои слуг.

– Эм...

– Вот только не учи меня. Я приходила в дома благородных, когда тебя на свете не было. Сам же сказал, этаж охраняют солдаты и никого к ней не пускают. Не желаю я бодаться лбами с упрямым лейтенантом. Нет настроения.

– То есть, ты считаешь, здесь вход охранять не станут?

– Ну, мы выйдем на балкон и поднимемся по стене на пару этажей вверх. Ты ловкий парень, да и я проворная. Уверена – справимся.

Забраться по стене, действительно, оказалось для них просто. Цепляясь за выступы и перепрыгивая с балкона на балкон, сойка первой оказалась на нужном этаже. Ножом подцепила защелку, распахнула огромные оконные створки, выбралась в коридор.

– Не шуми, – предупредила она Тэо, словно в этом была какая-то нужда, когда он легко и мягко спрыгнул на пол, не издав ни звука.

Пустой коридор, пустой холл, пустые лестницы. Действительно, на этом этаже, большом и занимавшем достаточную площадь, чтобы здесь поместилась целая городская улица, не было охраны.

К дверям, где находились покои Шерон, Лавиани подошла с необычной осторожностью и постучала так, словно опасалась разбудить степного льва. Тэо думал, что они прождут как минимум четверть часа, но замок щелкнул уже через минуту, и Мильвио, протиснувшись через приоткрытую щель, оказался рядом.

От него пахло потом и вином, глаза были красными, одежда измята, но стоял он на ногах все также легко и пружинисто, как прежде.

– Я догадывался, что это случится, – произнес треттинец, плотно закрывая за собой дверь. – Как только ты узнаешь. Уходи, сиора. Немедленно.

– Тебе не кажется... – начала Лавиани, но он взял ее за плечо, подтолкнул к выходу.

Не грубо, но решительно. Тэо полагал, что сойка вполне легко могла бы сорвать этот хват и остаться на месте, но удивительно – последовала за ним, прочь от покоев.

– Не кажется. Ты не понимаешь, насколько здесь опасно.

– Она опасна? – тут же высказала догадку Лавиани.

– Ее дар. Ты должна держаться как можно дальше, чтобы не вводить его в искушение. Уходи. Я позову, если все образуется.

Лавиани повела плечом, и треттинец разжал пальцы, подчиняясь ее намеку.

– Ну, а ты, Фламинго? Чем ты лучше меня?

Он грустно усмехнулся:

– Я когда-то был волшебником. Второй раз она, даже находясь в таком состоянии, не допустит ошибки. Это все равно, что дважды сунуть руку в очаг. Тебе надо идти, сиора. Прямо сейчас.

Лавиани скривилась, но было видно – она поверила ему.

– Я могу хоть чем-то помочь девочке?

– Да. Быть как можно дальше, не умереть и не стать ее послушной опаснейшей куклой. Сойка скрежетнула зубами:

– Ладно. Я стану ждать где-нибудь возле кухонь. Наш район, по счастью, эта дрянь не затронула. Обещай, что найдешь меня и позовешь, когда ей станет лучше.

– Обещаю, – его зеленые глаза казались черными в тусклом свете сгущающихся сумерек.

– Я хочу ее увидеть, – чуть склонил голову Тэо.

– Ты же слышал...

– Я асторэ. Не человек. Ее дар не подчинит мое тело. Быть может, я смогу помочь.

– Не сможешь, – с сожалением ответил ему треттинец. – Но, возможно, она поймет, что ты пришел навестить ее. Быть может, это пойдет на пользу ее войне. Давай попробуем.

Тэо понял, что входит в комнаты Шерон с осторожностью, едва ли не робостью человека, который пришел навестить тяжело больного, а может и умирающего.

Раздраженное шипение Лавиани осталось по ту сторону двери. Акробат, прежде, чем сделать следующий шаг, осмотрел комнату.

Стол завален грязной посудой и бесконечным количеством пустых винных бутылок. Часть из них валялись на полу, одна укатилась вообще на балкон, и теперь ее припорошил снег.

Он перевел взгляд на Мильвио, и тот пожал плечами:

– Дни идут, по мне, слишком долго. Невыносимо долго. Остается лишь думать, жалеть об утраченном и опустошать запасы его светлости.

Пьяным южанин совсем не выглядел. Скорее смертельно уставшим, словно он не спал все эти сутки. Возможно, так и было.

Высокие оконные створки, распахнутые настежь, впускали достаточно воздуха, но несмотря на это в помещениях властвовала духота, словно ветер преисполнился робости и не решался заглядывать сюда.

Стул был перевернут, свечной воск никто не убирал, и он растекся, собравшись и нарастая грубыми потеками на мебели и подоконниках. Фэнико в ножнах лежал на брошенной на паркет вельветовой куртке. Рядом валялись книги, а также карты Треттини, Ириасты и Фихшейза, запачканные винными пятнами, смятые и исчерканные чернилами. Чернильницу Тэо тоже увидел. Точнее ее осколки – дорогое вьенское стекло разметалось острыми треугольными иглами по дальней части комнаты, а на охряной стене красовалась внушительная клякса.

Акробат шагнул туда, где располагалась спальня, осколки хрустнули под подошвами его сапог, но, не дойдя, застыл, поперхнулся, закрыл рот и нос рукавом, отшатнулся назад, за невидимую границу, посмотрел на Мильвио, чувствуя, что глаза начинают слезиться.

Смердело разверзнутой могилой.

Треттинец же вел себя так, словно они находились на цветущем лугу.

– Как?... – прохрипел Тэо, желая спросить, как товарищ выносит подобное, находясь здесь не первый день, но его внезапно парализовало от ужаса из-за страшной догадки. – Она...

– Жива, – мечник указал в соседнюю комнату. Отсюда Пружина видел лишь угол большой кровати.

– Я могу ее увидеть?

– Если тебя не тревожит дыхание кладбища, сиор.

Акробат признался себе, что весьма тревожит, но решительно двинулся вперед.

И снова застыл. Он смотрел на Шерон, лишь краем сознания отмечая, как Мильвио стоит у него за плечом.

Она сидела по-карифски, точнее – стояла на коленях, кулаками упираясь в одеяло и задрав лицо к потолку. И сильно изменилась за те дни, что Пружина ее не видел. Похудела еще ужаснее, чем прежде. Кожа стала бледной и сухой, нездоровой, столь тонкой, что сквозь нее, казалось, просвечивают кости. Особенно это было заметно на руках и на скулах. Волосы в беспорядке, спутаны, белых нитей в них добавилось, а глаза огромные, словно у совы.

Вываренные, как солнце нынешнего дня.

Чужие. Не этого мира.

Глаза чудовища. Или ведьмы из зловещей сказки.

Тонкое левое запястье совсем недавно кровоточило, Тэо видел, что повязка, которую сделал Мильвио, сильно намокла от крови, а та, просочившись через бинты, испачкала еще и простынь с одеялом.

На высоте плеч Шерон, зловеще сияя белым светом, точно две маленькие злые звездочки – кружили кубики игральных костей.

Именно они издавали это ужасное зловоние, словно приносили его в спальню со всех погостов мира и полей сражений.

Несколько секунд Тэо смотрел в серое лицо некроманта, на обескровленные искусанные губы, страшные глаза. Было понятно, что Шерон его не замечает и словно спит наяву.

– Она ведет битву, – справившись с тошнотой от мерзкого запаха, произнес Тэо. – Но с кем?

Мильвио положил тяжелую руку ему на плечо, потянул за собой, прочь из комнаты. Пружина бросил полный сожаления последний взгляд на девушку, прежде чем последовать за треттинцем.

Стоило лишь преодолеть невидимую границу, как кладбище осталось за спиной, и появилась возможность дышать. Мильвио поднял опрокинутый стул, толкнул, рассчитав столь ловко, что проехав по полу, через все помещение, тот остановился перед Тэо.

– Идем на балкон, сиор.

В последних словах он не скрывал иронии. Перебрал пустые бутылки, одну чуть не разбил, нашел целую, кинжалом срезал печать, взялся за штопор, подхватив два стакана. Тэо, подняв сул, пошел за южанином.

Снег закончился также внезапно, как начался. От него остались лишь капли да лужицы. Стало жарко, даже знойно, и наступающая ночь влажно дышала землей, которая отдавала тепло пасмурному небу.

Огни горели только по этому берегу, а еще в порту, нескольких башнях и по периметру ближайшего к дворцу сектора городской стены укреплений. Большая часть Рионы была погружена во мрак, но Тэо помнил ее в первую и во вторую ночь, пока люди еще оставались живы и кто-то мог поддерживать пламя.

То горело ярко-синим, болезненным для глаз светом.

Мильвио разлил вино. Густое, медово-янтарное и наверное ароматное, но Тэо, все еще пребывающий мыслями у постели Шерон, скованный запахом, остерегся пить. Просто принял стакан, ожидая, когда Мильвио начнет говорить.

– Ты прав. Она уже несколько дней ведет битву с собственным даром, – наконец ответил треттинец, облокотившись о перила. – И я могу лишь надеяться на ее победу. Нам всем очень повезло, мой друг. Что сначала она была указывающей, затем долго жила рядом с самым большим некрополем в мире, потом – что в ее руках оказалась книга старого некроманта, а способностей Шерон оказалось достаточно, чтобы учиться. И наконец браслет. Она сумела с ним договориться, – бывший волшебник сделал глоток, прищурился. – Это большая удача. Не будь всего перечисленного – и финал истории первого некроманта за тысячу лет уже бы наступил.

– Почему сейчас? Из-за близости той стороны?

– Я как-то рассказал ей о мотыльках, которые падают на стекло. Их вес ничтожен, но если ночных бабочек будет много, очень много, то стекло не выдержит, мой друг. Она закалила стекло всем, что я перечислил. Но вот это, – треттинец провел рукой вдоль мрака, в котором скрывался ночной город. – Умерли тысячи, почти одновременно. И Шерон захлебнулась в смертях, как утопающий захлебывается в воде. Стекло дало трещину, но держится. Пока держится...

Он замолчал, снова став смотреть на вымерший город.

– Что будет, если она не справится? Если дар смерти возьмет верх над ее волей? Она погибнет?

Мильвио покачал головой:

– Нет. Она слишком сильна для подобного исхода. Раньше – возможно. Теперь нет. Шерон не умрет.

Тэо облегченно перевел дух и наконец-то решил попробовать вино. Словно галька на морском берегу, которую лизнул, а теперь колет язык от яркой соли. А еще смола и ежевика.

– Всегда поражался, как ты можешь выбирать среди бутылок столь интересные.

– Опыт долгих лет, – вопреки ситуации, что творилась вокруг, Мильвио нашел силы на улыбку, но тут же стал серьезен. – Ты не до конца понимаешь последствия, если дар победит волю Шерон. Если стекло лопнет.

В вине появился кислый привкус. Лизнул язык и небо, охладил гортань.

– Она не умрет. Но изменится. И поверь, сиор, эти изменения тебе не понравятся. Никому не понравятся. Ее захватит смерть, та, что подчинялась ей, теперь подчинит ее. Представь себе жестокое существо, потерявшее прошлое, стремящееся лишь множить трупы и повелевать ими. И так до бесконечности. По кругу.

Тэо увидел в глазах собеседника тревогу, но ничего не спросил. Не знал, какой из десятка волнующих вопросов задать первым и, он признался в этом самому себе, страшился спрашивать.

– Существование тзамас в нашем мире было предопределено если и не Шестерыми, то самими асторэ. Но где-то в веках, после Бледных равнин Даула, некроманты пошли своими, очень темными тропами. Они конфликтовали с нами, их ненавидели таувины. Часто с ними можно было договориться, но случалось, что той стороны в их сердцах накапливалось слишком много и тогда мир накрывало безумие. Когда не человек управляет даром, а дар человеком – он вытаскивает из души все самое темное. С браслетом она очень сильна, слишком сильна, чтобы не учитывать последствий. Волки, которых она подняла на перевале, покажутся милыми овечками.

– Что нам делать, если такое случится? – от подобного вопроса на языке остался крайне отвратительный привкус, который нельзя прогнать даже целой бутылкой хорошего вина.

Мильвио указал на меч. Тот, в слабом отблеске свечей, обернулся в злое тень, словно в тяжелый длинный плащ. На миг Тэо почудилось, что они слабо шевелятся, дышат, он напрягся, пригляделся, но понял, что это обман зрения, всего лишь игра воображения и света.

– Это тоже артефакт одного из Шестерых, как мы теперь знаем. Полагаю, высок шанс, что Фэнико смог бы противостоять браслету.

Они долго смотрели друг в друга глаза. Продолжать не имело смысла. И так все предельно ясно. Тэо внезапно осознал, насколько сидящий перед ним южанин вымотался за последние дни. И перед каким тяжелым выбором он стоит.

Никому подобного не пожелаешь.

Мильвио аккуратно поставил стакан с вином на балконные перила, сходил в комнату, поднял меч, вернулся.

– Фэнико в прошлом носил иное, истинное имя. Как его назвал первый владелец? Лед? Губитель? Клевер? Или просто Меч? Возможно, до того, как Тион совместил клинок со своим веером, настоящее имя подходило куда лучше нынешнего. – Мягко, почти нежно прошелестело, когда треттинец извлек оружие из ножен. – Он сильно изменился от первоначальной задумки мастера, его создавшего. И речь не только о рукояти и гарде, которые сделал я. Сам клинок стал иным, мой друг. За годы, что его точили и правили – уже и легче. У меча появилась иная душа, но он, полагаю, помнит многое. Всех тех, кого забрал на ту сторону. И вот что я тебе хочу сказать, мой друг. На Фэнико достаточно крови тех, кого я считал своими друзьями.

Мильвио хмыкнул, досадуя на себя за эти слова.

– Нет. Не так. Тех, кто были моими друзьями. Война Гнева раскидала нас по разные стороны, и мы рвали друг другу глотки. Не буду оправдываться, я горел жадной мести, ничуть не меньше, чем Тион. И считал всех, кто против, кто остался с Мелистатом, предателями и убийцами. Молодости часто сопутствует глупость, тут Лавиани права, как никогда. Ты всегда на светлой стороне, те, кто против тебя, всегда на темной. Никаких полутонков, никаких компромиссов. Что это, если не глупость? Знаешь, кто изменил меня? Больше, чем вся та жестокая бесконечная бойня, с испытаниями, потерями, жертвами и поступками, о которых я до сих

пор сож... – он криво, болезненно улыбнулся лишь одной стороной рта. – Которых я стыжусь. Лавьенда. Первая, после Мелистата, среди наших врагов. Вторая, после Тиона, по силе в нашем поколении волшебников. Когда я проиграл ей поединок, она сделала то, чего не сделал бы я – пощадила меня. Я, а точнее тот волшебник из прошлого, убил бы без сомнений. Но она зародила во мне эти самые сомнения. Пускай я навсегда лишился магии, выгорел, но растерял свою ненависть. Та, сгорев, унеслась пеплом вместе с ветром, который перестал мне подчиняться и пожрал земли, которые теперь называют Смерчами. Войс в тот день умер. Или стал умирать. Я вдруг увидел себя со стороны. Всех нас. И увиденное вызвало во мне отвращение. Мы потеряли человечность, мой друг. Перестали замечать простых людей, превратили их в фигурки на игровой доске, безвольных кукол, в куски мяса, которые должны были исполнять нашу волю и умирать за нас. Мелистат, без сомнения, был виноват, я до сих пор так считаю, но виноваты ли десятки тысяч, что не пережили Войну Гнева? Очень сомневаюсь.

Он одним глотком опустошил стакан, вложил меч в ножны.

– Всегда есть выбор. Всегда можно сделать несколько вещей. Сойти с дороги, по которой ты идешь. Или же на которую тебя поставили. Никто не безвольная кукла, мой друг. И иногда следует не делать то, что правильно. Отступить. Проявить жалость. Или слабость, как сказал бы мой старый друг.

Треттинец протянул Фэнико Тэо и, заметив колебание на лице акробата, мягко сказал:

– Она – лучшее, что у меня есть. За все века. Я не желаю обнажать меч против нее, что бы ни случилось дальше. Унеси его. Чтобы у меня не возникло ни малейшего соблазна встать у нее на пути.

– Ты сдаешься. Хочу, чтобы ты понял – я не осуждаю. Я бы тоже не поднял на нее клинок.

– Не сдаюсь. И сделаю все, что смогу, чтобы остановить катастрофу. Но я не стану причинять ей вред. И никому не позволю. Так что рад, что ты на моей стороне.

Тэо, помедлив, кивнул. Дышать стало немного легче. Он поднялся, сжимая меч.

– Я верну его, когда все наладится.

– Да. Нам остается только ждать.

– А что с войной? Давно не слышал новостей с севера.

Мильвио нахмурился:

– Я допустил несколько серьезных ошибок. Недостойных моих знаний. Следовало не мешкать, когда я услышал о Рукавичке. Но другие дела, обещание, что я дал Шерон, вынудили меня пойти иным путем. Я до последнего не предполагал, что это шаутт. Превратился в человека, который хотел поверить в невозможное. Я так долго искал асторэ, отводил их в Туманный лес, ждал возвращения... ты тоже не вернулся, и мне захотелось, чтобы мечты стали правдой. Чтобы наконец-то появилась асторэ, которая защитила семью горного герцога от шауттов.

– Сама пришла в Туманный лес? Не превратилась в пустого?

– Такое было дважды после Катаклизма. Почему бы не случиться еще раз?

– Дважды? – удивился Тэо. – И что произошло с ними?

– Их нашла Нэко, – ровно произнес Мильвио. – В то время она была... иной. Скажем так.

– О.

Пояснения Пружине не требовались.

– Я поверил, что Рукавичка может быть асторэ, и верил, пока не стало слишком поздно. А затем не смог остановить ее. Теперь война проиграна. Полагаю, Лентр падет до того, как завершится лето.

– Не узнаю тебя, мой друг. Ты просто устал.

– Нет, мой друг. Посмотри на то, что произошло. Флот уничтожен и мы не получим поддержку от Алагории. Риона потеряна. Она никогда не восстановится, не будет прежней. И в ней поселилась угроза, нечто, чего я не понимаю. Герцог вновь колеблется, стоит ли приходить

на помощь соседу. Даже если он решится, моральный дух солдат из-за случившегося здесь – сильно ослаб. Они не смогут стойко сражаться.

– И как нам справиться с этим?

Треттинец похлопал Тэо по плечу:

– Если найдешь решение, то не забудь рассказать мне. Сейчас мне важна только она и я никуда не уйду, пока все не разрешится. А теперь унеси его. Да. И вот еще что.

Южанин достал из ящика стола и протянул акробату маленький пучок сухой травы. Хрупкий и блеклый.

– Я собрал эти цветы, когда был на Талорисе. Ты отравлен. Завари и выпей. Это поможет.

Тэо вышел в коридор, и Мильвио плотно закрыл за ним дверь.

Глава вторая

Утраченная цель

*Я видел произошедшее собственными глазами.
Как было написано за тысячи лет до этого дня Милосердной.
Старый улей, что она вручила нам, как Дар, давно опустевший
и мертвый, стал дарить мед на исходе зимы.
Пророчество сбылось. Сегодня мед застыл. Превратился в камень.
Янтарь. Пришло время. Недолго час ее возвращения.
Храм готов.
Первый жрец Храма*

Бланка Эрбет ощущала себя паучихой, свившей гнездо среди бесконечного кладбища и груд дымящихся костей. Гнездо, вне всякого сомнения, уютное и в данный момент даже вполне безопасное. Но тревога, поселившаяся в сердце, не давала расслабиться.

Она понимала, что зловещее затишье, тяжелой дланью накрывшее Риону, явление временное, более того – скоротечное.

Впрочем, следует быть честной с собой. Паучихой, зловещим созданием, таящимся во мраке в ожидании жертвы, Бланка не была. Никакая она не паучиха. Максимум – маленький паучок, напуганный, растерянный, неуверенный и замерший в укромном месте, лишь бы о нем не вспомнили, не заметили, прошли мимо и оставили в покое.

Несколько раз на дню к горлу подкатывал страх, холодил нёбо и этот холод скатывался вниз, словно ребенок со снежной горки, захватывая внутренности, покрывал изморозью желудок и вызывал приступ тошноты. Чтобы справиться ней, приходилось глубоко дышать носом и до боли сжимать зубы, казалось, что они вот-вот раскрошатся, лопнут осколками, рана язык и щеки. Но дурнота отступала раньше.

Бланка знала, что рискует, но не могла поступить иначе, а потому натянула свою паутину – целых три легких нити, которые она взяла из окружения и приспособила для своих нужд. Довольно эгоистичный поступок и без сомнения жестокий, но госпожа Эрбет не могла иначе.

Она взяла на себя то, с чем не смогла справиться Лавиани. Лечила Вира. Сойка в тот день сумела лишь удержать жизнь своего ученика, но повреждения оказались слишком обширны и мальчишка так и не пришел в себя, а значит не мог воспользоваться собственными талантами для восстановления здоровья.

– Ты не сможешь! – бывшая убийца Ночного клана не хотела уступать.

– Я попробую... – Бланка не желала вступать в долгий спор. – Ему нужна сила, чтобы начать путь обратно, а не упасть на ту сторону. Неужели ты настолько против моего вмешательства?

– Он мне не родной, и я обычно не трясусь над жизнями малознакомых людей. Но в данном случае мальчик полезен для нас и ему хорошо бы выжить. Твоя же сила... – сойка pokrутила пальцем в воздухе, словно собирая вокруг себя тучи. – Ты сама ее не понимаешь. И я не понимаю. Такое себе... как бы не вышло хуже.

– Посмотри на него.

Лавиани, не любившая делать хоть что-то, о чем ее просят, набычилась, но все же взглянула на ученика. Вир лежал на кровати перетянутый бинтами, которые пропитывала кровь из страшной раны, защитой сойкой суровыми нитками и залитой крепким алкоголем. Походил он на покойника, который уже двумя ногами в могиле, но каким-то чудом все еще не упал в нее окончательно.

– Ну. Смотрю. И что?

– Тебе не кажется, хуже уже не будет? Хуже просто некуда.

Сойка с раздражением поскребла себе шею грязными изломанными ногтями, точно собака, которую одолевают блохи, и произнесла с наигранным сомнением:

– Кто я такая, чтобы бодаться с самой богиней?

– Перестань!

– Гнев? Ну-ну. Не спали оставшиеся огрызки города, рыжая. Чем тебе запал в душу этот юнец?

– Он защищал меня, – и, увидев скептическое лицо собеседницы, добавила: – Этого, ты считаешь, мало? А по мне – большее, чем делал для меня даже отец. Не говоря уже о муже. Тот готов был защищать друзей, любимых псин или свою гнилую честь, но не меня. ...Вир встал на пути у моих врагов. И я собираюсь ему помочь.

– Надеюсь, ты понимаешь, что подобные действия подвергнут риску всех, кто рядом с тобой. Сулла могут прийти в любой момент, стоит лишь тебе совершить ошибку.

– Сулла приходили из-за того, что я, сама того не зная, создавала брешь на ту сторону. Меняла структуру ткани. Сейчас этого не случится. К тому же, у меня есть защита.

– Твои евнухи не способны защитить даже тухлую курицу! – с презрением фыркнула Лавиани. – Сулла разберут их на кусочки и накормят саранчу.

– Я же сказала, они не придут, – с терпеливой обреченностью уставшей матери ответила ей Бланка. – Я буду осторожна. И Тэо поможет. Его эти существа боятся.

– Тэо сейчас нет. Он остался во дворце.

– Так найди его и не стой у меня на пути. Время уходит.

Лавиани еще раз бросила быстрый взгляд на Вира.

– Тьма с тобой, рыжая. Я вернусь, и мы поговорим.

Но она не вернулась. Шесть дней уже прошло с той ночи, как в подземелье Гвинта пробудилась та тварь, но от сойки не было ни слуху ни духу. Тэо, впрочем, тоже не появлялся. Как и сулла. Бланка, предоставленная сама себе, стала тем самым паучком, что создал паутину.

Это оказалось очень непросто.

Бланка прекрасно помнила, на какие нити не реагировали сулла.

На темные.

А таких поблизости не было. Она решила рискнуть, взяла самые тонкие, едва видимые, протянула их к Виру, двумя оплела запястья, третью перекинула через грудь, над сердцем. Но нити расплелись, вернулись на свои места.

В следующий раз их свободные концы Бланка обернула вокруг дерева, растущего в саду особняка. Никаких изменений.

Она подумала еще. Тщетно поискала хоть что-то темное, втайне мечтая, чтобы на улице появился искари, шаутт или хотя бы мэлг. Покусывая губу, в глубоком сомнении покинула комнату Вира и вышла в зал, все еще испачканный кровью после схватки с незваными гостями.

Самый молодой из дэво молился в углу над палочкой, источавшей аромат густого, сладкого, незнакомого ей благовония. Старший спал прямо на голом полу, положив себе на глаза шейный платок. Тот, кого звали Ради, единственный, чье имя она запомнила, сидел на широком подоконнике, смотря на опустевший город.

Заметив ее, легко прыгнул на пол, поклонился с удивительным изяществом:

– Госпожа.

Молодой прервал молитву, старший (возможно он и не спал), убрал тряпку с глаз, поднялся на колени и тут же распластался на миг, коснувшись лбом пола.

Бланка помедлила, рассматривая их лица. Видя нити эмоций. Счастье. Восторг. Нетерпение. Почти экстаз. От этих чувств она смешалась на несколько мгновений.

У нее было множество вопросов к этим странным южанам из далекого загадочного Храма. Она мало что о них знала. Лишь какие-то обрывки из легенд и то, что рассказала ей Шерон за время путешествия.

– Мне нужны знания о нитях. Что вам о них известно?

Они переглянулись, помедлили.

– Мало, о милосердная. Лишь то, что ты оставила нам в текстах, – произнес старший. Повисла пауза, и Бланка щелкнула пальцами, подгоняя дэво, понимая, отчего заминка.

– Допусти, что я не помню того, что написала тысячи лет назад. Освежи мою память!

– То, что вы, Шестеро, называете нитями, является основой ткани мира. Плетениями асторэ, которые они принесли из другого пространства, госпожа. Это и есть суть магии. Она во всем и во всех.

Заметив досаду на ее лице, он смешался, замолк, и сероглазый Ради взял слово:

– О, милосердная. Мы бы справились куда лучше, если бы поняли твои устремления.

– Я хочу передать моему другу силу с помощью нити. Чтобы он стал здоров. Я могла бы так поступить, если рядом оказались темные нити той стороны. Но вокруг лишь обычные и, взявшись за них, я рискую своей и чужими жизнями. Было ли что-то об этом в книгах вашего Храма?

– Разве милосердная не поступала так прежде? Она не раз и не два лечила страждущих. Но Мири не касалась нитей, на которые был наложен запрет асторэ.

– И как же она справлялась?

– В текстах сказано, лишь «собственной силой». Она не трогала чужих плетений и не забирала силы у живых. «Отдавала лишь то, чем владела сама».

Бланке пришла в голову одна идея и, не благодаря за беседу, женщина поспешила к Виру, но Ради ее остановил.

– Госпожа! Пророчество, что привело нас сюда...

– Не сейчас.

– Но, госпожа. Это важно, и мы твои следы...

– Не сейчас! – на этот раз она ответила жестко. Точно так, как слугам дома, когда те забывались и смели ей перечить.

Удивительно, но дэво склонили головы, признавая ее право.

Вернувшись, она встала перед зеркалом, глядя на себя – связанную из черных, рыжих, алых, серых и белых шерстяных нитей. Указательным и большими пальцами правой руки взяла себя за левое запястье, нащупала нужную нить – ту, что мятой отдавалась во рту, стоило лишь коснуться. Потянула...

Не сдержала стоны из-за боли. Словно вытаскивала из-под кожи нерв, а не темную нить. Поняла, что ноги не держат, сразу же села, чтобы не упасть, но не отпустила, продолжила тянуть.

Она поняла, как действовала Мири. Отдавала кому-то собственные силы. Бланка не была богиней, пускай троица мутцев и поклонялась ей, но ради Вира готова была на подобное. Хотя и не знала, чем придется расплачиваться впоследствии.

– У меня получится. – Почти ярд нити расплелся из нее. Она продолжала тянуть, с трудом борясь с болью, думая о том, что кажется проще было извлечь и размотать собственные кишки, чем получить желаемое.

Бланка заливалась слезами, плакала беззвучно, но сознания не теряла и внезапно даже пожалела, что рядом нет Лавиани. У той имелась чудесная способность – злить, и это сейчас придало бы сил госпоже Эрбет.

По ее ощущениям спустя сутки, хотя на самом деле не прошло и часа, она, перекинув первую нить через люстру, оплела правое запястье Вира и взялась за вторую. Наконец, ей уда-

лось сплести свою паутину, и та запульсировала в такт биению сердца хозяйки, а потом – уже отзываясь на дыхание раненого.

Ощущая себя совершенно опустошенной, она, словно раненая кошка, свернулась в ногах у Вира и провалилась в беспокойный сон.

Сад, по-прежнему хранил следы боя: застрявший в стволе дерева арбалетный болт, сколы на стенах от ударов оружия, мелкие капли крови, темно-бордовой ржавчиной въевшиеся в плиты дорожки, выходящей вокруг особняка. Тусклый день, холодный ветер треплет вялую листву, которая лишь совсем недавно распустилась, но из-за происходящего в Рионе быстро шагнула из весны в осень. Трава тоже пожухла, и оттого весь некогда уютный уголок между домом и высоким забором казался неухоженным и даже заброшенным.

Тэо остановился на его границе, увидев Вира и Бланку. Ученик Нэ, обнаженный по пояс, держал госпожу Эрбет за руку. На земле валялись срезанные, потемневшие от крови бинты.

Бланка, почувствовав присутствие акробата, повернулась к нему. Темная повязка на глазах ничуть не мешала ей понять, кто пришел. Ее губы тронула улыбка, и Пружина понял, что она рада его видеть.

– Не думал, что ты выберешься из кровати в ближайший месяц. Никаких намеков на твою рану, Вир. А говорят, что в мире больше не случается хороших чудес.

– Полагаю, так говорит Лавиани, – ученик Нэ с трудом сдержал усмешку. – Тот самый человек, который не дал мне отправиться на ту сторону. Ну, а Бланка завершила начатое.

Тэо чуть приподнял брови, прося объяснить.

– Мелочи, – небрежно ответила госпожа Эрбет. – Я лишь добавила ему немного сил, чтобы он пришел в себя. Все остальное работа его талантов.

– «Добавила сил», – пробормотал акробат, теперь хмурясь. – Как тогда в Аркусе дала сил Шерон? Но где ты взяла нити...

Только теперь он увидел, как выглядят указательный и большой пальцы на ее левой руке и замолчал. Черная, словно бы обугленная плоть истаяла, тонкой кожицей обхватывала косточки, но пальцы, несмотря на жуткий вид, сохранили удивительную подвижность.

– Я взяла их у себя.

– Рискованный шаг. Ты знала, к чему приведет твоя игра со статуэткой?

– Нет, – она сочла неправильным лгать. – Но, если бы знала, это ничего бы не изменило.

– Жаль, что я не мог тебя остановить, – с горечью произнес Вир и натянул через голову широкую плотную рубаху.

– Не жаль. Возможно, они и выглядят так ужасно, как ты говоришь, но я не замечаю разницы. После потери глаз это сущая ерунда. Я поступила верно.

– Это никак не исправить? – спросил Тэо.

– Мои таланты не могут вылечить подобное, – теперь в голосе Вира слышалась досада. – Я пытался. Может, асторэ сумеет?

– Нет. Я не обладаю умением лечить.

– Подожди... разве это не Фэнико у тебя? Что с Мильвио и Шерон?! – встревожилась Бланка.

Ему пришлось рассказать о происходящем в Каскадном дворце.

– Я должна что-то сделать для нее. Возможно, нити спасут ее?

– Нет, госпожа, – Ради стоял возле открытого окна. – Смерть нельзя вылечить ничем, кроме самой смерти. Наследница Мерк не властна для нитей. Ты можешь дать ей силу для магии, но не здоровье или душевный покой.

– Ты подслушивал?! – в голосе Бланки прозвенел гнев.

– Я лишь скромная служанка богини и не мыслю о подобном кощунстве. Ты избегаешь нас, о милосердная. Сегодня в первый раз за шесть дней ты покинула спальню. Мы ждали и не беспокоили, как ты велела, но время уходит. Пророчество...

– Думаешь, мне есть дело до пророчеств вашего Храма, южанин?!

– Я смиренно прошу участия, госпожа. Ибо только так ты сможешь спасти ту, кто разорвет мир и соберет его заново.

Они все трое смотрели на дэво, пытаясь осознать прозвучавшие слова.

Ради чуть поклонился:

– Я сварил калгэ и испек лепешки из кукурузной муки, куркумы и меда. То, чем питалась Мири во время Наставлений первым из нас.

– Я не Мири!

Дэво ничуть не смутили резкие слова:

– Но ведь это не помешает тебе отведать их и накормить своих друзей.

Вир, к большому удивлению Тэо, приобнял Бланку за плечи, сказав с добродушной непосредственностью:

– Твой гость очень добр, а я страшно голоден. Ты не возражаешь, если мы поедим и выслушаем его?

Мгновение женщина была напряжена, Пружина видел гневное выражение на ее лице, упрямо сжатые красивые губы. Она сдержалась, хотя в первый миг хотела повести плечами, вынуждая мальчишку убрать руку. Однако Вир продолжал улыбаться, смотреть на нее с видом человека, который обсуждает нечто незначительное, и Бланка слегка расслабилась.

– Мне не в радость то безумие, в которое они хотят меня затянуть. Не желаю играть чужую роль.

– Ну, – Вир еще раз улыбнулся. – Насколько я успел тебя узнать, ты не та, кого можно заставить играть чужие роли. И бегать от них вечно не получится. Они считают тебя Мири? Что с того? Хочешь быть Бланкой Эрбет, я вот совершенно не возражаю. Но если речь идет о Шерон... Я плохо с ней знаком, времени не было, но раз она твой друг и беседа с мутцами может помочь ей, то плата ничтожна.

– Хорошо. Я выслушаю вас, – приняла она решение.

Снова поклон, ибо Ради был щедр на них.

– Если они тебе так не нравятся, то зачем ты позвала их сюда? – негромко шепнул Тэо, когда дэво скрылся в глубине дома.

– По нескольким причинам, – вздохнула Бланка. – Во-первых, найдя меня, они никуда бы не делись, сколько бы я их не прогоняла. Проще оттащить голодного кота от рыбьей головы, чем фанатиков от того, что они считают своим предназначением в жизни. Сидели бы у ворот... Во-вторых, по крайней мере на словах, они клянутся защищать меня и помогать мне. Если это так, то довольно глупо отказываться от подобных услуг в наше непростое время. Лавиани успела немного рассказать мне, на что способны некоторые служанки Мири.

– Но... – Тэо просто чувствовал это самое «но».

– Я боюсь, – неожиданно просто призналась она. – Узнать что-то о статуэтке. И что они правы и моя личность лишь пыль на чем-то большем. У жителей Черной земли, которым плевать на Шестерых, есть легенды о собственных богах. О том, что те бессмертны и занимают оболочки достойных, чтобы жить дальше. Боги меняют их, как одежду, а люди, что раньше владели телами, просто растворяются в вечности. Я слишком люблю жизнь и свободу, чтобы какая-то Мири внезапно забрала у меня то небольшое, что осталось.

– Это легенда дикарей, – возразил ей Тэо. – Маленького дикого племени, живущего где-то в джунглях и ничего не знающего про асторэ, таувинов и волшебников. Никто не вселяется в других людей и не захватывает их тела.

Он осекся, поняв, какой сказал вздор, и это не укрылось от Бланки.

– То, что теперь в теле мальчишки да Монтага? Ты ведь вспомнил о нем.

– Та сторона, не волшебник из прошлого. Иначе бы они просто существовали вечно, с легкостью меняя тела – уверяю тебя, все бы знали об этом! Так что никто не живет в глубине твоего сознания, и никто не изменит твое «я». В этом я убежден.

– Убежден? – Она подошла к нему, заглядывая в лицо, и он ощутил этот взгляд несуществующих глаз даже через плотную ткань ее темной повязки. От него становилось больно, он жег, точно угли. – Убежден сердцем или разумом? Сердце часто следует тропой эмоций и самообмана, а разум – он старается не слушать сердце, а потому сомневается. А вдруг эти глупые размышления все же правда?

– Не сердцем и не разумом. Кровью асторэ.

– Хочу поверить тебе и перестать терзаться сомнениями.

– Поверь сначала себе. Ты Мири?

Возникла пауза, будто женщина прислушивалась, ожидая, что из глубин ее сознания придет правильный ответ. Она облизала пересохшие губы, словно страшась, что против собственной воли произнесет не то, что желала сказать:

– Нет. Я Бланка Эрбет. Мой отец Язев Эрбет, а мать Инджер Эрбет. У меня было три брата. Этот шрам на предплечье я получила в шесть лет, напоровшись на гвоздь в отцовской конюшне. В тринадцать я уже сносно стреляла из арбалета. В четырнадцать меня поцеловали. Я помню свой город, я люблю виноград и рыбу, мне нравится, как пахнут пионы и выпечка. Я люблю зеленый цвет, книги и как дождь шелестит в листве. Знаю человека, который ослепил меня. До сих пор просыпаюсь, если он преследует меня в кошмаре. Помню, какой был солнечный свет за мгновение до того, как потеряла глаза. Знаю яды и древнее наречие. Но не знаю ничего из прошлого одной из Шести. Ее радостей и печалей. Целей, желаний, привязанностей.

Ради ждал их на кухне, возле растопленного очага. Свет из окна сочился все такой же тусклый, так что он зажег много свечей, почти все, что нашлись в комодке на первом этаже.

Крепкий аромат только что сваренного калгэ насыщал воздух, несмотря на открытые окна. На столе лежали большие лепешки, румяные и свежие, вареное куриное мясо, мёд, а еще острые алые перцы, горкой сложенные на круглом медном блюде.

Вир был не из тех, кто церемонится или ожидает приглашения. Под безучастным взглядом мутца, он полил лепешку медом, кинул на нее несколько куриных кусков. Перец откусил сразу, больше четверти, зажмурился на мгновение, но не произнес ни звука, лишь смахнул свободной рукой потекшие по щекам слезы.

– Господин желает калгэ? – Ради снял с очага кувшин, взяв его за длинную, на первый взгляд совершенно нелепую ручку. На безымянном пальце левой руки южанина было черное кольцо, украшенное темно-желтым янтарем.

Вир лишь мотнул вихрастой головой. «Мутское пойло», как это называла Нэ, он не любил по примеру своей учительницы.

Бланка взяла одну из пустых чашек, молча протянула дэво. Когда темный маслянистый напиток наполнил емкость до краев, так, что малейшее колебание руки пролило бы его на землю, шагнула к столу.

– Тэо. Угощайся, – предложила она тоном хозяйки.

Акробат взял только лепешку, с удовольствием ее понюхал, сказав:

– Совсем забыл, как пахнут настоящие бава.

– Господин был в Муте? – вежливо поинтересовался Ради.

– Нет, но на юге Карифа есть переселенцы из вашей страны. В том числе и те, кого преследует Храм.

– Таких немного. Если совершено серьезное преступление против заветов, то следы Богини находят преступников и возвращают на родину, для покаяния. Те же, кто пекут бава

и говорят о том, что служанки Мири ищут их, лгут. Они нам не нужны, иначе бы их давно вернули.

Прозвучало это немного зловеще.

– Какие же преступления караются... возвращением? – Бланка откинулась на стуле, спив руки. Чашка с исходящим паром напитком стояла рядом, но мало интересовала ее.

– В горах Мута суровая жизнь, о милостивая. Ночью холодно, днем очень жарко. Тяжелая работа, познания, молитвы, испытания тела. Для того, чтобы чтить тебя и стать твоими следами, приходится много трудиться.

Бланка предпочла проигнорировать «тебя» и ободряюще кивнула, чем вдохновила дэво.

– Послушники, что уже дали клятву служения, встав на дорогу истины, порой не выдерживают усилий и покидают Храм. Мы возвращаем их.

– Всегда?

– Всегда.

– Их убивают? – Вир перестал жевать, чтобы задать вопрос.

– Нет. Их преступление мало и, если бы не клятва, связавшая с богиней, мы бы даже не отправлялись на поиски. Сурово наказывают лишь тех, кто уничтожает по злобе священные тексты, убивает других братьев, разрушает волю ее, вмешиваясь в пророчества, и рассказывает о том, что скрыто, непосвященным.

– Интересно, – Вир щелкнул пальцами. – Ты хотел поговорить, но не будет ли это считаться рассказом для непосвященных?

– Нет, ибо разговор идет с тем, в ком воплотилась Мири.

– Но мы с Тэо – не она.

– Вы ее спутники, – Ради отмел движением руки все сомнения. – Если милосердная так хочет, то вы будете знать столько же, сколько и я. Госпожа. Тебе не нравится запах? Или цвет? Мало специй? Только прикажи, и я сварю новый.

Он обеспокоенно указал в сторону нетронутой чашки.

Бланка сделала осторожный глоток, чувствуя приятную горечь.

– Прежде, чем ты скажешь, зачем так хотел поговорить, ответь на вопрос – где твои друзья?

– Они ушли, чтобы помочь тебе.

– Хм... не помню, чтобы просила помощи. Похоже, вы делаете то, что считаете правильным, даже не думая советоваться со мной.

– Госпожа забыла, мы не могли принять ее совет и исполнить волю, поскольку она ткала нити и была занята несколько дней. Саби и Ремс изучают город, чтобы позже раскрыть, какова опасность и не следует ли тебе покинуть его, пока есть такая возможность. Они скоро вернуться.

– Хорошо. Расскажи мне все. Впрочем... полагаю, тогда рассказ выйдет слишком долгим. Расскажи, что важно. И начни с того, зачем вы пришли и зачем вам я?

– Благословенный рассвет ошибается. Не ты служишь нам, а мы тебе. Мы пришли сюда, чтобы помогать в твоих целях, дабы завершить некогда начатое.

– Мне нечего завершать, а мои цели, как бы я не хотела тебя разочаровать, добрый мутец, далеки от целей неизвестного мне Храма.

– Мири, в мудрости своей, построила Храм в те времена, когда люди не были самыми главными в нашем мире, а Шестеро считались лишь учениками, – начал Ради, глядя только на Бланку. – У нее была причина создать это убежище. Изначально, чтобы защитить тех немногих, кто пошел за ней.

– Защитить от асторэ? – Тэо высказал свою догадку, но дэво, которого перебили столь бесцеремонно, только сделал печальное лицо:

– Нет. Асторэ никогда не угрожали людям. Не они, но я не знаю, кто, ибо знания о прошлом дошли обрывками даже до нас. Мы стыдимся этого, но прошедшие эпохи стерли мно-

жество следов, что должны были остаться по повелению Мири. Рукописи ветшали, сгорали в огне, их уничтожали враги, в том числе и шаутты. Наш Храм трижды оказывался в руинах, и последний раз это случилось во время Войны Гнева. Нам стыдно, госпожа, но мы многое забыли и жили лишь по тем заветам, что передавались из поколения в поколение. Те, кто верил, двигался вперед, как хотела Мири, встал на дорогу, что она проложила через тысячелетия, обретал дарованные ею силы. И пытался сделать так, чтобы пророчество свершилось.

– Об этом я знаю. Читала в университете, что Мири оставила своим последователем множество туманных предсказаний и ни в Едином королевстве, а после и герцогстве, никто из служителей Шестерых не смог понять, о чем речь. В итоге сочли, что Храм множит заблуждения об одной из Шестерых. Вас признали заблудшими и оставили.

– Только после того, как попытались захватить его, – Вир пожал плечами, словно оправдываясь за свои знания. – Нэ говорила. От них отстали, лишь когда много раз получили по носу. Увидели, что дэво не лезут на материк, не мешают жрецам, и предпочли не замечать.

– Все так, – признал Ради. – Уходя, богиня оставила пророчества для своих последователей. Большинство из них были утеряны, но основная книга Медных страниц, Медная книга, сохранилась. Чем дольше существовал Храм – тем больше пророчеств сбывалось, и мы понимали, что цель становится ближе.

– Так в чем же цель? – Бланке, действительно, стало интересно.

– Наша цель, госпожа? Она прозаична – дожидаться, когда богиня вернется, найти ее, защищать и помочь ей выполнить задуманное. – Он заметил, что госпожа Эрбет хочет что-то сказать, тут же замолчал, но она, подумав, едва заметно шевельнула черным мизинцем, держа наполовину опустошенную чашку калгэ, прося продолжить.

– Ряд строф Медной книги направил наши помыслы на Кариф и окружение герцога. Мы несколько раз ошибались, ожидая твоего появления в течение почти двух сотен лет, ибо оставалась лишь последняя строчка пророчества. О тзамас, что разорвет мир и соберет его снова по своим правилам. О белом огне, способном пожрать всех. Она должна была появиться рядом с карифским правителем, и вместе с ней будет идти та, кого мы так долго ждем. И вот мы здесь, перед тобой, ибо последняя строчка исполнена.

– Вы будете помогать мне и защищать меня, – небрежно произнесла Бланка. – Очень обнадеживающе. А также двигать меня к цели, которую хотела Мири. А точнее туда, куда желает Храм. Совсем не обнадеживающе.

Светло-серые глаза Ради блеснули:

– Храм, госпожа, желает лишь того, о чем попросила первых из ее детей Мири – помочь ей, когда она вернется. Защитить от зла и тени. Сделать последние шаги и оставить последние следы, чтобы стать свободными от старых клятв. Ты заблуждаешься, о милосердная, в том, что мы посмеем управлять тобою. *Заставлять* тебя, – в «заставлять» звучало едва ли не отвращение. – Это святотатство и мы не смеем, ибо лишимся твоих даров, станем отступниками, коих живьем пожрут черви. Мы лишь следы, я часто это говорю только потому, что хочу, чтобы ты понимала. Отпечатки твоих ног, помыслов, желаний, мечтаний, приказов. Верные псы.

Бланка не скрывала недоверия:

– Псы значит... Но я так и не услышала, что должна сделать. В чем цель Мири?

Ради скорбно вздохнул:

– Это знаешь только ты, госпожа.

Вир перестал жевать и воззрился на дэво, потом, вскинув брови, обернулся к Бланке за пояснениями.

Она озадаченно молчала.

– Правда утеряна во тьме прошлых веков. Мы виноваты перед тобой за то, что не смогли сохранить столь важное для твоего сердца, – по его смуглым щекам текли слезы. – Молю тебя простить всех твоих служанок. Простить Храм!

Он упал со стула на колени, ткнулся лбом в пол, лишь спина его содрогалась от беззвучных рыданий.

Тэо увидел, что замешательство на лице Бланки сменяется сомнением.

– Или накажи нас, но только не держи зла!

Глаза женщины сузились:

– И как же наказывает Мири служанок за проступки?

– Лишает своей благодати, отнимая силы, что даровала нам.

Бланка посмотрела на Тэо, сказав с тихим смешком:

– Хм. Право, жаль, что такое мне не доступно... Поднимись, достопочтенный Ради.

Он не спешил:

– Цвет благословенного рассвета так и не сказала ничего о прощении.

Во вздохе Бланки было страдание человека, на которого взвалили все тяготы мира. Включая самые нелепые.

– Хорошо, прощаю.

Он благодарил так долго, витиевато и проникновенно, что Тэо начал понимать, каково это – теряться в лабиринте слов.

– Единственное, что знают в Храме, это что весь путь богини ею предначертан и она стремится исправить ошибку. Не спрашивай, какую. Мне нечего ответить на такой вопрос.

– И как, по-твоему, такая как я, может это сделать?

– Полагаю, судьба проведет тебя, а вместе с тобой и нас по пока еще незаметной тропе.

– Полагаю, я не желаю ходить по чужим дорогам, даже если их когда-то увидела Мири. Я продолжаю считать, что ты и твои друзья ошиблись. Я – не она. Как бы тебе этого ни хотелось.

– Мы люди, – Ради склонил голову, словно принимая правоту ее слов. – Наша участь вечно ошибаться и искать правильный путь едва ли не на ощупь. Но Мири больше, чем человек. Она одна из величайших, и нити мира позволяли ей видеть то, что грядет. Порой дэво неправильно трактовали сказанное ею, но в этом не было вины пророчицы. Сейчас мы уверены, что в тебе живет ее сила. ...*Так случилось в следующие дни после того, как бледные равнины Даула навечно поглотила вода, а победители вернулись в Аркус. Они решили уйти в иной мир, недоступный для большинства живущих. Каждый передал большую часть знаний и сил ученикам. Но не Мири, она не ушла вместе с сестрой и братьями. Нет. Лишь оставила Храм, растворилась среди живущих, затерялась в северных городах.* Храм искал ее, но все оказалось бесполезно. Ибо не так был предсказан день, когда мы вновь обретем ее. Он был означен, как тот, что придет лишь после событий, о коих я рассказывал ранее. Карифский герцог, спутница тзамас, способная видеть нити благодаря дару Мири, ночь – когда *та сторона босыми ступнями наступит на горло великого города, вдавит его голову в прах.*

– Довольно похоже, – пробормотал Вир.

– Мири возродилась, – важно кивнул Ради. – Спустя тысячелетия. Пускай она и мало что помнит.

– И не обладает даже каплей силы, которой обладала великая волшебница. А знаешь почему, добрый мой наивный дэво? – Бланка резко щелкнула пальцами. – Да потому что я не великая волшебница! Во мне нет той магии, что способна сдвигать горы и заставляет звезды катиться по небосклону.

Ради взял со стола плошку с темно-коричневым медом, поднял ее и, глядя на Бланку, наклонил так, что тонкая тягучая нитка потянулась вниз.

– Когда горный мед превратится в янтарь... – он оборвал фразу, и госпожа Эрбет ощутила внезапное стеснение в груди.

Нет. Выше. Где-то над ключицами. В горле! Словно в нем застрял мраморный шарик. Ей очень захотелось вытолкнуть его из себя, чтобы вновь дышать, ибо воздух больше не шел в легкие.

– И лопнет слезинки богини хрусталь, – прошептал он слова, которых она не знала. – Тогда придёт время её следам...

Дэво снова замолчал. Теперь, словно ждал, что она продолжит.

Но Бланка лишь недоуменно хмурилась, ощущая, что не может сделать вдох... Они смотрели друг на друга почти минуту и, наконец, мутец закончил:

– ...найти основавшую Храм.

Она вновь смогла дышать. А скуластое лицо дэво озарила улыбка.

– Предпоследняя страница Медной книги, госпожа. Строфы из последнего стиха пророчеств, что оставила нам Мири. Только посвященные знают их. И Богиня. Вы не сказали их, но я видел ваши глаза.

– И что? Мед превратился в янтарь? – любопытствовал Вир.

Дэво коснулся янтарного кольца:

– Довольно давно. Мед из первого улья, что подарила Храму госпожа.

– Стихотворение не доказательство! – Бланка не желала верить в то, что казалось ей слишком нелепым.

– То, что ты видишь, хоть и слепа. То, что способна делать с помощью того предмета. Это куда лучшее доказательство, – слова Тэо показались ей довольно неприятными, но спорить здесь не имело никакого смысла.

– Ты прав, – она опустила плечи. – Но все равно. Я это я. Не Мири!

– Ну, я не собираюсь тебя так называть. А уж Лавиани и подавно.

– Вот, – Ради коснулся кнута, который свернувшись в несколько колец, спал у него на поясе. – Это еще одно доказательство, госпожа. Я могу продемонстрировать, если ты хочешь и позволяешь.

– Хорошо.

Все произошло очень быстро, кнут оказался в руке дэво, раздался громкий щелчок и внезапный ветер взметнул ее волосы. Ради оказался сметен со своего места, опрокинут, прижат к земле использовавшим талант Виром. Одним коленом мальчишка давил мутцу на грудь, другим на запястье, блокируя следующий удар странным оружием.

Бланка не чувствовала боли, та кажется запаздывала. Пальцы остались сухими, кровь не текла по подбородку на шею. Шипастое оружие не разорвало ей щеку.

– Эй! – глаза Вира горели гневом. – Что ты творишь?!

– Госпожа мне позволила, – прохрипел Ради, не делая попыток освободиться. – Ты слышал!

– Ты метил ей в лицо. Я видел, куда шел удар!

– Отпусти его. Со мной все в порядке! Отпусти, Вир, – она попросила мягче, и парень после секундного колебания поднялся на ноги, но кнут все же забрал.

– Как интересно, госпожа. Один из расписных братьев твой друг, – Дэво не спешил вставать. – Воистину приходят великие времена.

– Завари нам всем хорошего калгэ, Ради. И объясни, что ты хотел показать.

– Госпожа создала несколько артефактов и подарила их Храму. Чтобы мы смогли защитить то, что было дорого ее сердцу. Оружие, что мы получили из ее рук, не может причинить вред лишь одному человеку на свете.

– Мири, – за всех произнес Тэо.

– А если бы ты ошибался, Ради?

– О, никаких ошибок, госпожа, – мутец уже колдовал над кувшином для приготовления бодрящего напитка. – Я был полностью уверен. Во мне нет сомнений. Ни в ком из нас троих нет сомнений.

Его глаза горели счастьем и от этого слова казались какими-то нелепыми, совершенно не подходящими выражению лица Ради:

– Но если бы мы ошиблись, тогда я причинил тебе страшное увечье и был разочарован тем, что поиски придется начинать снова. Хотя... – в нем сегодня было слишком много веселья. – Возможно, я не смог бы пройти мимо расписного брата без последствий. Положи, пожалуйста, мой кнут на стол, добрый друг госпожи. Он опасен для непосвященных в таинство.

Вир не спешил. Обдумал просьбу, решил, что беды не будет, если дэво обретет странное оружие, опустил на край стола.

Когда кальгэ был сварен и разлит по чашкам, Ради попросил:

– Молю, не хмурься, госпожа. Я еще не успел рассказать о плохом. До последнего времени мы считали, что часть пророчества о той, кто разорвет мир, не сбудется, ибо ничто не предвещало того, что случилось в Каскадном дворце. Но теперь та сторона в нашем мире. Она пожрала жизни и сейчас спит в берлоге, точно медведица. Мы чувствуем, что тонкая трещина прошла через мир, и скоро настанет тот час, когда возникнет пропасть.

– Что же будет дальше? Гибель людей? Падение городов? Стран? – Тэо гадал об этом все прошедшие дни.

– Люди восполняются, – беспечно ответил Ради. – Они исчезают в конфликтах, эпохах, но всегда появляются вновь. Города можно отстроить. Нельзя вернуть лишь знания. В Медной книге сказано, что та сторона испытывает вечный голод и первое, что она пожирает – магия. В нашем мире ее осталось не так уж и много, но теперь будет уничтожено все. Каждая крупница, уцелевшая после Войны Гнева, которую найдет эта сущность. В этом ее основная цель.

Тэо покосился на Вира.

– Разве не все, что теперь используется, является в какой-то степени той стороной? Способности Шерон, например.

– Указывающие – несомненно. Асторэ, если они и есть сейчас – конечно же. И пришедшее заберет эти крохи в себя, засосет, прожует, сохранит, чтобы стать сильнее. Но и магия расписных ей не указ. Она отберет ее. Сперва здесь, а потом, возможно попытается пробраться в мир таувинов, куда когда-то ушли Шестеро, ибо они – ее цель. Древние силы эйвов, сила Храма, мощь Северного и Южного смерча – она пожрет все. И шауттам противостоять можно будет только мечом и копьем.

– То есть, ничем. Лишившись сил, мы потеряем все шансы на победу, – обратился Тэо к Бланке, хотя та и сама это понимала, – как только демоны открыто выступят на стороне Вэйрена.

Но было еще кое-что, о чем акробат не подумал.

– А что, к примеру, стало бы с асторэ, который лишается сил? Не вернется ли он к форме пустого? – словно размышляя, протянула госпожа Эрбет. – Или что будет с волшебником, который живет долго, лишь благодаря магии другого волшебника? Не умрет ли он мгновенно? А старый таувин, лишившийся татуировок? Катастрофа. Любезный Ради, ты рассказал много всего. Быть может, ты скажешь, как убить медведицу, пока она грезит в своей берлоге?

– Однажды подобное уже произошло, госпожа. И ты была там.

– И снова мы о том, чего я не знаю, – вздохнула Бланка.

– Я говорю о том, что у нас есть надежда, ибо одна из Шестерых все еще с нами. И ты можешь остановить все, если вспомнишь.

– Но я не помню!

– Все в руках Богини.

Бланка внезапно ощутила полную беспомощность. Она ненавидела быть слабой и начала забывать, каково это, после того как обрела новое зрение. Все в руках женщины, которая жила тысячу лет назад, у которой были свои чувства, желания, мечты, никак не связанные с Бланкой Эрбет. И вот теперь между ними двумя ставится знак равенства. И ответственность незнакомки, чей Храм скрывается в безводных горах Мута, ложится на ее плечи.

Не слишком-то справедливо. Хотя о какой справедливости можно вообще рассуждать в такое время? Стенать о том, что она не желала ничего подобного..?

Не желала? Ну, так сидела бы и дальше в родном городе или вернулась в имение, оставшееся от мужа. Но ей захотелось отомстить за смерть отца и братьев. Она сама сделала шаг к этой цели. Шаг к потере зрения, обретению новых сил, новых друзей. Возможно даже... новой семьи.

Никто ее не заставлял.

«Мое решение, – подумала она. – Вот его последствия, о которых и помыслить было нельзя».

– Никаких деталей? Хоть чем-то ты можешь помочь?

– Тем, что буду рядом, как и другие твои служанки. Это случалось прежде, как я уже сказал. Не знаю, где и когда, в Медной книге нет подробностей, но есть строфа, что жизнь таувина потребовалось для прошлой победы.

– Вот как, – от холода ее тона даже Тэо поежился. – Таувина, значит.

– Того, в ком течет кровь расписных.

Она подумала о Вире. О Лавиани. Сдержала гнев, горячими пальцами сжавший горло.

– И это твоё предложение, любезный Ради?

– Госпожа спросила, что я знаю, и получила ответ. Никто из нас не смеет вносить собственные предложения для милосердной. Защищать – да. Но не руководить.

– Я найду иной способ.

– Нисколько не сомневаюсь в мудрости твоей. С чего ты начнешь, и чем я могу помочь?

Глава третья

Делать неприятные вещи

...Они ведь наши. Каждый из них.

Я помню, как вот тот пришел к тебе, прося знаний. А она была так мила, когда заглядывала мне в глаза – в ней было лишь обожание. А тот, что ненавидит моего брата, хотел изменить мир. Теперь мы для них чужие. Враги.

И они для нас тоже. И все же это наши ученики, сестра. Каждый. Вставший на дорогу Вэйрена, отвернувшийся от нас.

И главная печаль, моя большая боль, что нам придется выступить против них. Принять брошенный вызов. Уничтожить семья, упавшее в гнилую почву.

Сделать то, что неприятно каждому из нас.

Фрагмент письма, скопированный, а после выбитый на стене Хлебного рынка Пубира.

Однажды, в Билгаме, Лавиани забралась в ботанический сад старшей сестры герцога Соланки. Не то что бы сойка любила цветочки, ценила красоту лепестков, наслаждалась ароматами цветения и прочими сопливыми дурацкими вещами, которые так ценят некоторые юные аристократки.

Отнюдь.

Как говорил ей Таллес – ты совершенно не романтичная особа. А стоило бы поучиться. Хотя б для пользы дела. Никогда не знаешь, какой навык пригодится в нашем призвании.

У нее не особо выходило. Даже когда она пыталась, встретив одного художника и на несколько дней потерявшись в своей влюбленности.

Ботанический сад привлек ее слухами, будто там, в одной из оранжерей, сестра его светлости добыла из Черной земли тигровый цветок, такой странный и большой, что слухи о нем разлетелись по всему великому городу. Мол, питается он исключительно кровью да плотью (и садовники еженедельно скормливают цветку живого поросенка). А еще пыльца этого растения, если попадет на кожу неосторожного человека, способна на время вызвать паралич. Сойка, крайне не любившая работу с ядами из-за их опасности и непредсказуемости, проигнорировала бы такую новость, если бы за неделю до того не столкнулась с дэво. Ублюдок здорово погонял ее возле развалин пирамиды великих королей, не обращая внимания на раны. Дважды едва не прикончил противницу, и Лавиани подумала, что неплохо бы иметь в рукаве какой-нибудь козырь на будущее. Если уж она когда-нибудь снова встретит подобную тварь, например в Муте.

Так что в ночь полной луны убийца Ночного Клана забралась в ботанический сад, не слишком-то представляя, в какой из четырех грандиозных оранжерей ее милости растет диковинное растение. Она решила действовать по-простому, и найти в пути какого-нибудь сторожа, чтобы вызнать правильную дорогу. Но все ее планы оказались нарушены.

Сад (подумать только!) надежно охранялся. На множестве тропинок ходила ночная стража с фонарями. Благородная дама излишне ценила свою коллекцию травы и кустарника.

На мосту через широкую мелководную протоку скучал патруль, за которым была первая из оранжерей. Лавиани решила не поднимать шума, поискать другую дорогу. Отошла ярдов на сто вдоль берега, за излучину. Стараясь не резаться об осоку, вошла в воду. Тягучую, темную, без мельчайшей ряби, отражавшую луну. На середине протоки, пахнувшей ряской и жирным илом, где ей было по пояс, на нее напал крокодил.

Она никогда не встречала это животное. Знала о них, видела чучела в лавках Пубира, но и только. И надо сказать, размер твари из ботанического сада не шел ни в какое сравнение с той мелочью, что торговцы пытались всучить дуракам, желающим поставить экзотическую ящерицу на письменный стол.

Крокодил был огромен и кажется очень голоден.

Впоследствии она с почтением оценила его мощь, хитрость и способность спрятаться. Внешне спокойная и безопасная гладь лопнула, превратившись в зубастую пасть, которая сомкнулась поперек не ожидавшей этого сойки.

Она не успела среагировать разумом, но ее спасли таланты, которые словно взяли командование на себя. Прозрачное тело, давшее неуязвимость, не позволило разорвать пополам, а удар невидимого воздуха вокруг заставил крокодила забыть о ней и бить во все стороны хвостом, отчего вода вскипела.

В ту ночь ей не удалось найти цветок. Она плюнула на эту затею, ушла, не солоно хлебавши, радуясь, что осталась цела и не превратилась в еду. Право, закончить жизнь в желудке рептилии не входило в ее мечты. По сути, уже через пару лет она воспринимала произошедшее с некоторой долей самоиронии. Всяко не каждому ей довелось проигрывать, и этот голодный зверь, подстерегший Лавиани, вызывал большую долю уважения хищника к хищнику.

Она даже надеялась, что тот до сих пор жив, а не превратился в кожаные ремни да сумки.

А еще спустя какое-то время просто забыла о нем.

До сегодняшнего дня.

Нынешняя Риона напоминала ей крокодила. Районы, захваченные той стороной, казались пустыми, мертвыми, тихими, спокойными и даже, на первый взгляд, безопасными. Как та темная, пахнущая прудом вода. Но в ее толще скрывался спящий хищник, и сойка, теперь имевшая гораздо больше опыта, чем в молодости, знала о нем. Чувствовала его присутствие загривком. Как старая кошка чувствует приближение своего последнего дня.

Риона умерла.

Вымерла.

Стала другой. Городом, который словно телега, не вписавшаяся в крутой поворот узкой горной дороги, теперь завис над пропастью. Она еще здесь, крутит колесами над пустотой, покачивается, ловя ускользящий баланс, но близка та минута, когда притяжение схватит ее – и утянет вниз.

Чтобы разбить вдребезги со всем оставшимся содержимым.

Такой стала столица Треттини. Лишь несколько районов на берегу Пьины, вокруг дворца, да чудом уцелевший квартал особняка Бланки оставались целыми – все остальное превратилось в кладбище. Погруженное во мрак, недоступное живым. Крокодил, затаившийся на дне. Пока еще чутко спящий, но готовый пробудиться в любую секунду.

Лавиани не была бы Лавиани, если бы не попробовала войти в районы, захваченные той, кого некогда считали Нейси. Но ей хватило лишь нескольких шагов, чтобы развернуться и оставить эту затею. Ощущения были точно такие же, как в Аркусе, когда они пытались преодолеть выжженную полосу и чуть не остались там.

Сойка позорно сбежала, чувствуя, как ставший страшным город смотрит ей в спину.

После посещения Мильвио, после попытки проникнуть туда, куда ушло нечто в облике великой волшебницы, она без дела слонялась по пустующим кварталам, думая о том, что надо зайти к Бланке и узнать, как чувствует себя Вир, но ей пришла в голову другая мысль.

Ее уже несколько часов беспокоило это, но до сего момента Лавиани никак не могла понять, что не так. На самом деле, она и теперь мало что понимала, просто доверилась своим инстинктам, той самой соринке в глазу, которая досаждала и заставляет избавиться от нее, чтобы наконец-то обрести покой и чувствовать себя нормально.

Поэтому сойка вернулась в порт.

Корабль Карифа никуда не делся. Стоял пришвартованный недалеко от сгоревшего причала, с канатами, переброшенными на берег и привязанными к уцелевшим после пожара гранитным столбам.

Вокруг была охрана из гвардии треттинского герцога, хотя сойка и не заметила сходней. Судя по всему, прибывшие в гавань, все еще находились на корабле.

Лавиани, не показываясь никому на глаза, под прикрытием начавшейся ночи, разулась, ступила босыми стопами в остывший, удивительно мягкий пепел. Чуть ругаясь сквозь зубы, неспешно залезла в море и, стараясь не шуметь, поплыла к кораблю.

Он быстро рос в размерах, пока черным профилем не загородил большую часть неба. Сойка слышала, как волны тихо бьются о борт и скрипит оснастка, когда Альсакра величаво и едва заметно покачивается с бока на бок.

Вплотную она не приближалась и плыла очень осторожно, радуясь, что нет света от луны и от звезд. Так, что перегнувшийся через борт матрос или охранник заметил бы ее лишь при большой удаче.

Лавиани добралась до кормовой части и здесь потребовалось усилие, чтобы залезть наверх. Если бы не нож, способный резать кость, который без труда входил в плотную мореную древесину, пришлось бы туго. А так, благодаря клинку, ловкости и цепкости пальцев, сойка быстро добралась до кормовой каюты.

Окна – здесь были именно окна, высокие и квадратные, подходящие больше прогулочной лодке богатея из Пубира, чем военному кораблю – оказались распахнуты, из них лился теплый, манящий свет. А еще умиротворенным свертком звучал одинокий уд – кто-то неспешно перебирал струны музыкального инструмента.

Она осторожно заглянула в каюту, большую, полутемную, где горели три восточных фонаря, бросая на стены фигурные тени от резных решеток, за которыми едва танцевало пламя. А затем одним слитным движением перемахнула через окно внутрь, мягко приземлилась на пушистый густой ковер, заливая его капающей с одежды и волос соленой водой. Музыкант оказался прямо перед ней, и Лавиани приставила к его горлу нож, ощутив плотном шершавую кожу под кадыком и как бородака колет запястье.

Музыка прекратилась, но последняя нота, тоскливая, все еще звучала из-за потревоженной пальцем струны. Женщина, лежавшая на кровати в короткой рубаше из черного шелка и в широких штанах такого же материала, вздрогнула, вскинулась, приподнимаясь на локте, отчего ее длинные многочисленные косы, которые сойка бы не сосчитала и за минуту, разметались по плечам и постели.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза – маленькая красивая карифка и чуть сутулая седовласая сойка.

– Не надо причинять Тиру вред. Он не опасен, – попросила южанка.

Лавиани была иного мнения. Этот Тир был хоть и невысок, но крепок, а его мускулистые запястья выдавали большую силу. Так что сойка проигнорировала просьбу и не только не убрала нож, но и вдавила его глубже, выжав несколько рубиновых капелек.

Левой рукой она вытащила из ножен музыканта кривой кинжал, выбросила в окно.

– Довольно необдуманно приходить без приглашения, – карифка и бровью не повела, плавно, точно пантера выпрямилась и села, подобрав под себя ноги. В ней сойка не заметила никакого страха, лишь живой интерес к происходящему. Женщина с косами больше походила на азартного игрока, предвкушавшего интересную партию, чем на испуганную жертву. – Красивый ковер. Мне он нравится. Если ты все же вскрыешь горло моему доброму слуге, то позаботься, чтобы кровь не пачкала убранство каюты.

Лавиани прислушалась, но за дверью была тишина, никто не собирался врывать к ним в ближайшую минуту.

– Я знаю тебя, – между тем продолжила карифка. – Ты та седовласая сука, что убила любезного моему сердцу Бати.

– Говоришь прямо, и не заячий хвост. Ты мне нравишься, – усмехнулась Лавиани. – Совсем чуть-чуть. Отдай своему псу правильный приказ.

– Не чини ей препятствий. Выйди. Никому не сообщай, что здесь происходит. Сторожи дверь.

Он аккуратно положил инструмент, волком зыркнул на сойку, поклонился хозяйке, вышел. Лавиани опустила засов, лишь на мгновение отвлекшись от карифки.

Та уже стояла на коленях, натягивая тетиву лука, который до этого скрывался под откинутым теперь одеялом. Стрела с широким зазубренным наконечником смотрела в живот сойке. Она знала, что легко избежит ее, но все равно где-то в кишках неприятно засвербело.

– Ловко, – оценила Лавиани. – Каков следующий ход?

Та хищно, словно маленькая змейка, провела розовым язычком по губам и опустила лук.

– Зависит от твоих целей. Ты пришла от нее или по собственному желанию?

– Руководствуясь предчувствием, – сойка не стала подходить близко, чтобы не провоцировать лучницу. Нет. Лука она не боялась, но если все завертится, придется причинить карифке какой-то вред. Поднимется шум, в дверь начнут ломиться, и все выйдет из-под контроля. – Нет. Шерон не посылала меня, герцогиня.

– Так ты знаешь, кто я, – женщина удовлетворенно кивнула. – А я вот не знаю, кто ты. Кто может так легко справиться с дэво в одиночку?

– Ну, признаться, мне помогла уина, – Лавиани гордилась своей врожденной честностью. – Да и так ли это важно?

– Ко мне лучше обращаться ваша светлость. Или госпожа Ясмин.

Сойка насмешливо цокнула языком:

– Зачем ваша светлость госпожа Ясмин прибыла в столь опасное место? Как муж вашей светлости госпожи Ясмин отпустил вас в такую даль? Ваша светлость госпожа Ясмин планирует причинить вред моей компаньонке? Если так, то хочу предупредить вашу светлость госпожу Ясмин, что мне очень не нравится такая цель и спешу посоветовать вашей светлости госпоже Ясмин лучше уплыть из Рионы. Город сейчас не безопасен даже для тех, кто прибыл на большом корабле вместе с верными гвардейцами мужа, если ваша светлость, госпожа Ясмин позволит мне сказать такую дерзость.

Герцогиня показательно поморщилась, словно от того, что у нее заломило в висках:

– Для друзей я Яс. Буду считать тебя другом на этот час. А как зовут тебя?

– Седовласая сука. К чему тебе мое имя, Яс? Через час, возможно, мы перестанем быть друзьями и лучше тогда нам забыть друг о друге.

Та, чуть подумав, положила лук на кровать, показала раскрытые ладони, потянулась гибко, точно кошка:

– Мир, Седовласая сука. Вероятно Шестеро услышали мои молитвы и послали тебя для решения проблем.

– Всегда радуюсь, когда они поручают мне исполнять их волю. Тир, и вправду, не собирается звать на помощь?

– Не в правилах моих слуг нарушать приказы. Окажу тебе любезность, подруга Шерон из Нимада. И отвечу на дерзкие вопросы, что ты задала. Мир, как видишь, горит, и мы не справляемся с пожаром. Мой благословенный супруг считает, что у нас не получится отсидеться и переждать войну. Что ни море, ни Феннефат, величайшая пустыня, ставшая нашим домом, не остановят Эрека да Монтага и ту силу, что стоит за его плечами. Если мы протянем и не присоединимся к одной из сторон, то в итоге останемся в одиночестве, – глаза Яс зло блеснули. – Мут и Черную землю в расчет не берем.

– И какую же сторону решил выбрать твой осторожный многомудрый муж?

– Его любимая сестра пропала, ходят слухи, что она убита той, кто называет себя Рукавичкой. Это лишает его возможности выбирать.

– Хм... – Лавиани подобрала самую гаденькую из усмешек. – Не мне понимать мотивы правителей, но разве карифцы так сильно страдают по утраченным родственникам? Разве в династии грифов не старая добрая традиция умерщвлять братьев и сестер, которые мешают править?

– Да будет тебе известно, Седовласая сука, что дела семьи – это дела семьи. То, что позволено брату, не позволено чужаку. Пролита кровь потомка Стилета Пустыни и на такое не закроешь глаза и не простишь. Мы выбрали сторону. Союз с Алагорией и Треттини. Мой муж доверил быть его Словом. Я приплыла в Пьину, когда прибыла птица из Рионы. Шпион докладывал, что Шерон из Нимада отправила моему мужу письмо с предложением защитить его близких. Он разумный человек, пускай она и отвергла его дружбу. Не станет рисковать женами и детьми из-за столь мелкой обиды. Ответ еще не пришел, слишком велико расстояние, но я его Слово и потому сразу же отправилась сюда. Я хотела еще раз предложить дружбу и забыть обиды, нанесенные друг другу. Довольно ли с тебя? Перестала ли ты тревожиться, что я прибыла попросить у Анселмо ее голову или убить самолично?

Лавиани отметила, что эта невысокая пигалица достаточно прозорлива, чтобы понимать причину прихода убийцы Бати.

– Всем своим очерстевшим сердцем радуюсь твоим словам, Яс. Но ты герцогиня, а вашей надменной братии не пристало быть столь любезными с такими, как я.

– Быть может, я испугалась тебя.

– Быть может, – небрежный жест в сторону лука. – Грифы не берут в жены овец, если хотят достойных наследников. Ты могла пробить меня насквозь, но вместо этого говоришь со мной. Я знаю ваш народ и помню, что даже чтобы коснуться туфли герцогини надо расшибиться в лепешку. А уж беседовать... Выходит, я очень тебе нужна, Яс. И раз уж мы разговариваем, то назови причину.

– Ну, причину я уже тебе назвала вполне весомую, – карифка погрузила босые ступни в густой ворс, прошла через комнату, взяла ребристый графин. – Финиковой настойки? Как хочешь. Моя цель – обезопасить мою семью от шауттов. Они здорово порезвились в Рионе, и я не хочу, чтобы Эльват постигла такая же судьба. Шерон обещала помочь за сущие мелочи. Так пусть поможет.

Когда Ямин увидела, что губы Лавиани сжались, то небрежно продолжила:

– Как я говорила, у нас есть здесь шпионы. Я слышала, что Шерон, спасшая многих, сейчас больна, и попасть к ней нельзя. Поэтому ты меня проводишь.

– Она все равно останется больной. Еще никто не выздоравливал лишь потому, что его навестила герцогиня Карифа.

– Как знать, – с загадочной улыбкой промурлыкала Яс, опустошив рюмку настойки. – Тут вот какое дело, Седовласая сука. Я все равно попаду к Шерон с твоей помощью или без тебя. Сейчас я жду встречи с герцогом, он молил меня уплыть, затем, когда понял, что это не принесет результата, подождать пока прибудет его сын, который меня встретит. Но, как видишь, наступила ночь и в Рионе теперь это опасная пора. Никто не собирается рисковать моей жизнью. Все ждут утра. Просто я хочу покончить со всем быстрее и вернуться назад, к мужу.

– Твой муж рискует любимой женой.

– Он не знает о том, что здесь случилось. Эльват, как ты помнишь, слишком далеко для того, чтобы новости достигли света моего сердца так быстро. Что же до риска... у него есть и другие жены. Моя задача обезопасить детей, без Шерон это не получится, так что риск я считаю оправданным. Ну, так что? Проведешь меня во дворец сейчас?

– Сомневаюсь, что мне это интересно. Как ты уже сказала, Шерон больна. А кое-кто говорит, что и опасна.

– А если я скажу, что смогу вылечить ее?

Сойка негромко рассмеялась, смех ее походил больше на икоту умирающей курицы.

– Ты? Вылечишь тзамас? Скажи мне, ваша светлость госпожа Ясмин, ты – лучший целитель мира? А может быть другой некромант? Или великая волшебница, – Лавиани подалась вперед, прошептав таинственным шепотом: – Или одна из Шестерых?

– Я всего лишь умею читать. А в Небесном дворце одна из лучших библиотек. Когда Шерон так поспешно оставила нас, я заинтересовалась гранью ее дара и стала читать. Знаешь ли ты, что в книгах скрывается много интересного и полезного? Умеешь читать?

Сойка фыркнула:

– Рыба полосатая! Теперь ты мне расскажешь сказку, что вычитала в книжонке о способе лечения. Хотя ты даже не знаешь, что с ней.

Яс заложил руки за спину, подалась вперед:

– В старой книжонке. В очень старой. От человека, который общался с подобными нашей общей знакомой. Что же до болезни. Позволь мне догадаться: она в беспамятстве, смердит могилкой и непонятно, какой исход был бы лучше – чтобы Шерон умерла или пришла в себя.

– Что ты несешь, ваша светлость? – Лавиани не скрывала раздражения.

В первую очередь на себя, ибо благодаря проклятому Мильвио, который не пустил ее в комнаты, она не знала, что с Шерон.

– Ну как же? Пишут, что любой некромант может быть оглушен большим количеством смертей вокруг себя. Точно верблюд, которому молотком ударили промеж глаз. Разве не это совсем недавно произошло в Рионе? Свидетель описывает подобный случай, когда ирифи убил несколько тысяч человек. Один из двух некромантов в караване потерял над собой контроль, но второй смог ему помочь. Очень простой способ.

– И какой же?

Карифка запустила руку в свои бесчисленные косы, провела по ним пальцами, словно советуясь со змеями, рассказывать или нет.

– Хватит с тебя и этого, Седовласая сука.

Но она не смогла убедить Лавиани. Мудрая книга, сказка о излечении, в которую очень хотелось бы поверить. Сойка жила на свете довольно долго, чтобы не доверять людям, особенно подобным Ясмин. Та вполне могла преследовать иные цели. Например, попытаться убить Шерон, и Лавиани не собиралась быть тем человеком, кто приведет карифку к больной.

По крайней мере, пока не поговорит с Тэо, который видел девушку. А еще лучше – с Мильвио.

– Ты не убедила меня, Яс. Я не стану твоей, проводницей, – сойка заметила в глазах собеседницы разочарование, за которым та пыталась скрыть ярость. – Но, если ты не ошибаешься, вернись до рассвета и провожу.

Карифка неохотно кивнула.

– Хорошо. Буду ждать. Я прикажу, чтобы тебя отвезли к берегу.

Лавиани взяла лежавший на кровати лук и перерезала тетиву. Вдруг эта змея передумает. Уворачиваться от стрел не самое приятное занятие.

– Уйду, как пришла, – ответила ей сойка и прыгнула в море.

Вир чувствовал пальцами шероховатость бумаги, когда складывал ее, загибал уголки и распрямлял в нужных местах. Удивительное дело – бумага. Он смог понять ее ценность лишь после того, как Нэ научила его писать и читать. До этого, пока он жил на улицах Пубира, влача жизнь помойного крысеныша, белые листы были для него лишь мусором, бесполезной вещью, которую не обменяешь на еду и не продашь. Кому она нужна, кроме грамотеев?

Теперь же Вир вполне себе понимал, сколь дорога хорошая бумага и сколь много важного можно ей доверить. Но сейчас он складывал фигурку. Этому его тоже научила Нэ, явно ради собственной забавы.

– Не полетит, – сказал тогда Вир, следя за тем, как старые длинные пальцы собирают фигурку. – Уродливая птичка.

Это действительно было так. Странная поделка. Тупой нос, широкие квадратные крылья. Она до сих пор такой и осталась. Не сравнить с тем, что делал Мильвио – у него получались альбатросы, а здесь... какая-то летучая мышь.

Маленькая. Неказистая. Без всякого намека на изящество.

Нэ, опираясь на палку, вышла на открытый балкон и швырнула птаху вверх, на волю ветров. Вир ахнул, когда пролетев ярдов сорок, птичка чуть снизилась, взмахнула крыльями, вновь набрала высоту и полетела дальше. Через весь город. К морю.

– Это что? Магия?!

Нэ отмахнулась:

– Хотела бы я сказать, «да», но Тион обокрал наш мир. Нет, парень. Просто хитрость и умение правильно складывать листок. Однажды таким воробушком я смогла победить лучшего игрока ветра, переплюнув его талант. Давно это было.

Она больше никогда не отправляла пташек из своей древней башни, но Вир несколько раз видел, как старуха складывает их, а потом рвет и разбрасывает клочки по полу. Убирать-то не ей.

Сейчас то время казалось ему едва ли не детством. Так далеко оно было от него теперешнего. Он изменился, и мир изменился вместе с ним.

Слишком сильно.

Вир огляделся. Мост Арбалетчиков теперь представлялся ему чужеродным объектом, отстроенном шалттами в сердце незнакомого города. Раньше даже ночью здесь всегда было полно людей: торговцы вином и горячими каштанами, жонглеры огнем, зеваки, припозднившиеся горожане, стража, казалось никогда не спящие мальчишки, карманники в конце концов. Жизнь между двумя частями Рионы, выросшими на соседних берегах Пьины, не замирала ни на минуту.

Но сегодня за все время пути от дома Вир встретил всего нескольких человек. Четверо беженцев, из тех, кто еще не успел оставить столицу, спешили к воротам Мутных вод, унося на себе скудные пожитки, да пятеро до зубов вооруженных воинов, с которыми он столкнулся перед мостом.

Их старший, с невыспавшимся, помятым лицом, бросил:

– Хватит сопли жевать, чужеземец. Слышал, что через пять дней город должен быть оставлен? Ворота закроем снаружи. Застрянешь, сам виноват. Будешь через стену лезть.

Вир не слышал, но пообещал не задерживаться, лишь бы они отстали.

– И пьянчуге напомни. Нашел время для вина, тупая задница.

Пьянчуга: в дорожном плаще, привалившийся к основанию статуи Родриго Первого, сидел на земле, вытянув ноги и опустив голову. Недалеко от него валялась пустая бутылка. Что же. Каждый в суровые времена ведет себя по-своему. Кто-то бежит в страхе, кто-то отказывается верить до последнего, погружается в апатию, а кто-то выбирает выпивку.

Вир не собирался с ним общаться. Улицы Пубира научили его не лезть к незнакомцам без особой нужды или просьбы о помощи с их стороны. Да и то после – стоило десять раз подумать, прежде чем согласиться, ибо слишком часто добрый человек неожиданно для себя превращался в жертву.

Он пришел сюда по привычке, как приходил почти каждый вечер после своего приезда в Риону, после звона в колокольчик на вершине заброшенной Лиловой башни, и после тренировок на площадке мессере Менлайо. Вир отдыхал здесь. Становился отрешенным от всех

проблем, когда наблюдал, как мальчишки пускают бумажных птичек, играя в «Благословение Войса». Того самого, кто теперь в Каскадном дворце, рядом с Шерон и совершенно не похож на легенду, которую знает весь мир.

Следовало обдумать все происходящее. Понять, что делать раньше. Сейчас он даже немного жалел, что Нэ выгнала его, отправила сюда, заставила стать тем, кем он стал. Да, в противном случае, Вир никогда бы не смог... вырасти что ли. И встретить Бланку. Но... теперь жизнь стала гораздо сложнее, чем прежде. Он не предполагал, что когда-нибудь на него рухнет столько ответственности и придется угодить в подобный круговорот событий. Да что там, едва ли не в сказку. Всегда считал, что подобные истории остались в далеком прошлом.

И вот пожалуйста. Настоящее оказалось гораздо «веселее», чем ученик Нэ мог предположить. Его беспокоило то, что сказал дэво о способе решения проблемы. Убить кого-то из таувинов. Человека с таким же даром, как у него. И у Лавиани тоже.

– Ты думаешь, он сказал правду? – именно так он спросил у Бланки, прежде чем пойти проветрить голову и увидеть, что случилось с Рионой.

– Может да. Может, нет. Я уверена лишь в том, что он знает больше, чем говорит. И, вполне вероятно, преследует цели Храма. Не стала бы доверять ему полностью.

– А если он все же прав? Если та сторона пожрет всю магию, и мы станем бессильны перед врагом?

Госпожа Эрбет сжала кулаки, но не сказала того, что собиралась.

– Я устала думать о вещах столь грандиозных, как мир, магия или война. Потому что при всей своей начитанности – мало что понимаю. Нас втянули в это. По большей части обстоятельств. Я помогаю Мильвио, потому что не вижу другого выхода, хотя понимаю, что потеряю слишком многое. Свои новые глаза. Но ты? Зачем тебе думать о таком?

– Все еще считаешь меня слишком молодым для подобного? – набычился он.

– Ты повзрослел за эти дни. Очень. – Ответила она примирительно. – Что же. Скажу прямо. Если он прав насчет магии, то рано или поздно мы об этом узнаем точно. Как только это произойдет. Но я не стану доверять его словам, а тем паче проверять их на практике, рискуя жизнью моих друзей.

– Но тогда возможно, что мир...

– К шауттам мир, если он требует от меня таких поступков, когда результат не очевиден. Да и если очевиден, тоже к шауттам! – Она произнесла это с остервенением. – То, что предлагает дэво, пока слишком напоминает мне фермера и алмаз.

– Что? – на лбу у Вира появилась складка.

– Должно быть, в твоей стране нет такой сказки, – догадалась Бланка и небрежно махнула рукой, словно говоря ему этим, что понимает, как нелепо пытаться сравнить реальность с выдуманной историей. – Однажды к богатому, но жадному фермеру пришел шаутт и заявил, что потрясен его прекрасными овцами. Что они лучшие во всем герцогстве, а возможно и в мире, так что фермеру есть чем гордиться. И потому шаутт решил наградить столь достойного человека, и в одной из овец спрятал алмаз величиной с кулак.

Вир задумчиво подвигал челюстью:

– Отбрасывая логику и понимая, что это сказка, ибо в реальности ни один нормальный человек не поверит демону, фермер взял нож и начал резать овец, чтобы найти сокровище?

– Ну, логику можно не отбрасывать, – на ее губах появилась едва заметная улыбка. – Даже в реальности полно людей, кто верит шауттам, ибо те мастера лжи. Но путь твоих мыслей совершенно верен. Да. Фермер уничтожил все свое стадо, но так и не нашел драгоценности. Не собираюсь совершать подобную глупость.

Она не смогла его полностью убедить. Несмотря на молодость, Вир прекрасно понимал, что стоит на кону. И ему не хватало мнения Нэ. Возможно, в ее отсутствие, самое взвешенное и правильное решение может принять лишь один человек.

Мильвио.

Бланка, услышав это, обреченно вздохнула и неохотно склонила голову, не желая больше переубеждать:

– Что же. Попробуй пообщаться с ним, если он готов сейчас слушать хоть кого-то. Но не забывай кое-чего.

Она помедлила, выбирая правильные слова:

– Мильвио, в отличие от нас, ведет войну. Она длится не год и даже не столетие. Он другой. Возможно, никто из нас не осознает, насколько другим может быть человек, живший сразу в двух эпохах и видевший то, что многие считают далеким прошлым. Он проделал долгий путь, за столетия, уверена в этом, повстречал и проводил множество друзей.

– Напекаешь на то, что у него своя игра? – нахмурился Вир.

– Не на это, – мягко возразила Бланка. – Я доверяю ему. Или хочу доверять, что означает почти то же самое. Но я повторюсь, великий волшебник ведет войну и не скрывает, что это самое важное для него. Он предельно честен со всеми нами. Не стал скрывать, что хочет использовать меня в своих планах. Мильвио не лживый змей, но будет добиваться победы, вполне возможно, любыми способами. И как он использует тебя, после того, как получит знания Храма? Или Лавиани? Подумай об этом прежде, чем делать последний шаг. Ты станешь уязвим.

И теперь он думал. Мысли были странно тяжелыми, неповоротливыми, словно несколько огромных валунов, пытавшихся притереться друг к другу. Наконец, решившись, он швырнул птичку в густой мрак перед собой. Та вздернула нос в мрачное низкое небо и, пролетев с пяток ярдов, ухнула вниз, упав в вонючий, чуть дымящийся после ухода Пьины речной ил.

– Мда. Удачи у тебя меньше, чем у обезьяны щедрости. – Слева от него, шагах в пяти, опираясь на перила, стоял человек, ранее сидевший у основания памятника Родриго Первого.

Вир взглянул ему в лицо, легко различая детали сквозь мрак.

– Подозреваю, что проблема не в удаче, а в кривых руках. Хочешь испытать свою?

Он протянул незнакомцу второй бумажный лист, уже сложенный вдвое. Тот ничуть не удивился, даже кажется хмыкнул себе под нос с довольным видом, взял предложенное. Стал не спеша и аккуратно складывать птичку, сосредоточив на ней все внимание и, казалось, забыв о существовании Вира. Обстоятельно загибал уголки, несколько раз проводил пальцами по ним, вертел в руках словно разгадывал головоломку.

Ученик Нэ не мешал и заработал быстрый взгляд, на миг оторвавшийся от поделки.

– Удивительный ты человек, – сказал ему незнакомец. – Не трус.

– Как ты понял, что я догадался?

Странная улыбка исказила лицо, оставив нетронутой обожженную половину.

– Твое сердце забилося чаще, ладони и загривок чуть вспотели, дышишь иначе. Но не ударился в панику. Не бросился прочь. Не побежал. Полагаю, услышал говор Пубира.

– И местную поговорку о мартышках. Встречу с земляком в такое время в таком месте с трудом можно назвать случайной. Ты из Ночного клана.

Вопроса не было, так что мужчина не стал отвечать. Его молчание говорило куда больше, чем любые слова. Готовая птица ушла во мрак, встала на крыло и полетела вдоль русла, подхваченная внезапным ветром.

– Я Шрев, – представился гость из Пубира.

Еще несколько месяцев назад Вир не знал бы, как отреагировать на такое. На человека, от которого Нэ просила его держаться как можно дальше. А теперь он просто стоял, смотрел на уходящую вдаль птицу.

– Еще интереснее, – этот Шрев, именем которого пугали все преступное дно великого древнего города, говорил с удивительной вежливостью. Даже дружелюбием. – Твое сердце теперь вообще никуда не спешит. Удивительного ученика отыскала себе старуха.

– Могу я спросить, как ты нашел меня во всем... – Вир обвел рукой кладбище, в которое превращалась Риона. – ...этом.

– Опыт. Я много раз искал тех, кто прячется. Но тут мне немного повезло. Люди, находящиеся под защитой клана, есть везде. Стоило спросить одних, затем других. Эти слышали то, те это. Несколько моих коллег странным образом исчезли, так что пришлось все делать самому. Я поставил на воротах людей, заплатил всем, кому мог. Но вот это, – Шрев коснулся своего обезображенного носа и потянул воздух. – Вот это помогло мне выйти на тебя. Я знал, что ты где-то среди уцелевших районов, а мост – последнее связующее звено города. Так что надо было просто ждать.

– Терпение – добродетель воинов, – Вир повторил слова, слышанные когда-то от Катрин. На его взгляд они неплохо подходили под ситуацию.

– О, я не воин. Моя работа куда более грязна, но я научился получать от нее удовольствие.

– За этим ты здесь? Убить меня?

– Убить? – его уцелевшая бровь поползла вниз, и Вир заключил, что Шрев хмурится, недоумевая от этого странного предположения. – Получать удовольствие от работы и превращать свою жизнь в нее вещи совершенно разные, парень. Я всегда следую путем практичности. Не вижу причин так поступать с тобой.

Практичность. В глубине души Вир начинал испытывать пробуждающийся гнев. Вот, значит как. Эта самая «практичность» лишила Бланку глаз. Шрев расслабленно опирался локтями о перила и, казалось, не замечал, как напрягся его собеседник.

– Твои проступки не так ужасны. Хотя ты и забрал вещь, которая тебе не принадлежит. Колокольчик.

Ученик Нэ не стал отпираться:

– И кому же, по-твоему, он принадлежит? Неужели тебе? Это собственность Нэ.

– Нэ – лишь часть куда большего. Ночного Клана.

Вир бы мог возразить, что это Ночной Клан малая часть Нэ.

– Колокольчик должен вернуться в Пубир. Он важен для того, чтобы появлялись новые сойки, ты сам это понимаешь. И ты важен тоже, во всяком случае, пока я не найду старуху.

– Ты не найдешь ее, пока она сама этого не пожелает.

– Но тебя я все же как-то нашел, – слезящийся глаз подмигнул. – А поэтому пора возвращаться домой.

– У меня нет никакого желания отправляться в Пубир в твоей компании.

Шрев дружелюбно похлопал Вира по плечу:

– Молодые люди склонны к упрямству и дерзости. Сам был таким, но позволь сказать прежде, чем начнешь упираться снова – ты обретешь легкую жизнь. Ни в чем не будешь нуждаться. Станешь на уровень Золотых. Полная свобода в пределах города, любая прихоть исполнится, стоит тебе ее произнести. Кроме того, я замечу, ты навсегда будешь избавлен от внимания шауттов, ибо они, мой друг, ищут колокольчик. Я возьму все риски на себя. Потому что могу справиться с демонами.

– И все эти блага я получу лишь если стану рисовать на спинах новых соек. Нет. Оставь их себе.

Шрев зашептал вкрадчиво:

– Другой вариант гораздо хуже. Я засуну тебя в мешок, точно барана, привезу в Пубир, посажу в подвал на хлеб и воду. И применю все свое мастерство, чтобы ты делал то, что полезно для Ночного клана. При любом раскладе ты станешь делать, что я прикажу, так что подумай еще раз, насколько важно для тебя твое упрямство и нежелание соглашаться. Если это лишь для того, чтобы показать мне, насколько ты смел и безрассуден, то поверь, я уже оценил. Давай перешагнем через этот приятный для тебя этап и начнем беседовать, как взрослые люди.

– Как взрослый человек я вполне осознаю меру цены за свое решение. Нет. Я не стану помогать Ночному клану.

Шрев скинул капюшон, повернул обезображенное лицо:

– Всю свою жизнь я сталкиваюсь с глупостью или упрямством. Но чаще всего они идут вместе бок о бок. Знал бы ты, насколько сильно я устал бороться с вашим безграничным тупоумием. Ну объясни хотя бы ты, сможет ли твое петушиное упрямство противостоять этому? – он коснулся металлической рукояти короткого меча. – У тебя нет оружия. Даже ножа. Что за недостаток рассудка? Особенно для человека из моего родного города. Пора бы найти себе что-нибудь острое в такие непростые времена.

– Мне достаточно кулаков.

– Тогда покажи, как ты справишься.

Его движение было очень быстрым для большинства живущих людей. Возможно, лишь те, кто носил знак Золотого карпа, поняли бы, что происходит. Меч покинул ножны и устремился к шее Вира. По движению запястья, по напряжению мышц плеча, по тому, как была повернута правая стопа, ученик Нэ понял, что удар не опасен для него. Шрев остановит оружие в последний момент.

Стоило бы сдержаться, но Вир не стал. Ему надоела эта игра, беседа, человек. И поэтому он выбросил вперед кулак, который врезался в плоскость клинка.

К его удивлению, не случилось того, чего он ожидал. Меч не переломился пополам, точно тонкая птичья косточка, лишь вскрикнул высоко и звонко, словно напуганная девушка, полыхнул ярко-рубиновым светом.

Шрев, не ожидавший, ничего подобного, попытался удержать его в руке, отчего едва не вывернул себе запястье и чудом уклонился от собственного оружия, отлетевшего ему в лоб.

Оба оказались столь потрясены случившимся, что несколько мгновений смотрели друг на друга и наконец Шрев, скосив глаза на меч, протянул:

– Вот как значит...

Вир подул на сбитые костяшки, они слабо кровоточили и от них поднимался едва заметный дымок.

– Талант... Хм... Старая птица совсем потеряла разум, раз решила действовать за спиной Клана, – Шрев перебросил короткий меч в левую руку, покрутил запястьем правой, прогоняя боль. – Впрочем, ты не самый главный сюрприз нынешней ночи. А ну-ка, стукни по нему еще раз. Это меч таувина, так мне когда-то сказали. Но до сегодняшнего дня он был просто удобной железкой, не более того. А сегодня Шестеро явили мне чудо.

– Я тебе не фокусник, – Вир продолжал стоять со сжатыми кулаками, пристально следя за противником. – Убирайся в Пубир и больше не возвращайся.

– Теперь? После такого? Ты, должно быть, шутишь, – усмешка у Шрева вышла неприятная, но говорил он мягко, даже тепло. – Это как найти на земле марку и не поднять ее.

Взмах клинком. Шелест рассекаемого воздуха.

– Давай посмотрим, какой ты сойка.

– Я не сойка, – вздохнул Вир, понимая, что закончить это можно лишь одним способом. И ударил талантом.

Тем же самым, каким атаковал Лавиани во время знакомства. И с тем же самым эффектом. Вот только Шрев не использовал свои рисунки. Он просто увернулся. Хотя это было совсем «не просто». Сойка выгнулся дугой, словно вместо позвоночника у него была вода, и удар прошел мимо, угодив в статую Родриго Первого, оставив в металле сквозную оплавленную дыру.

А после уже стало не до того. Шрев напал через мгновение, насел ураганом, не желая больше рисковать и давать противнику хоть малейший шанс еще раз применить подобный талант.

Нэ не зря предупреждала Вира никогда не попадаться на глаза главе соек. А Лавиани не зря говорила, что «этот ублюдок лучший и самый опасный из нас».

Щит, появившийся в руке, отразил первые шесть ударов, на седьмом и восьмом пришлось потратить светлячков, чтобы защититься, а девятый он пропустил. Клинок, все также плашмя врезался в череп, в глазах сверкнуло, затем потемнело, и он рухнул.

Тяжелый ботинок придавил голову к холодной брусчатке:

– Крепкий, – Шрев насмеялся над ним. – Другой бы даже не открыл глаз.

– Эй! – раздался резкий окрик. – А ну разошлись!

– Проваливайте! – раздраженно посоветовал им сойка.

– Патруль Рионы! Брось меч!

– Я сейчас, парень, – шепнул Шрев. – Никуда не уходи.

– А, ну-ка стой, умник!

Затем раздались хрипы, что-то плеснуло на камни, упало. Кто-то вскрикнул, кто-то победно жал. Стон. Бульканье. Еще одно упавшее тело.

Он резал их, словно неразумных ягнят. Спокойно и буднично, не торопясь и не жалея. За это краткое время Вир смог, пускай и с трудом, ибо в голове был полный хаос после пропущенного удара, вылечить себя.

Поискал щит...

– Это ищешь? – Шрев покачал колокольчиком, зажатым в левой руке. – Как видишь, половина целей моего путешествия за тобой выполнена. Осталась вторая.

Он вытер рукавом слезящийся глаз, отчего колокольчик слабо тренькнул.

– Когда ты вдоволь насидишься в подвале, обязательно научишь меня превращать безделицу в щит. Полагаю, это прошлая эпоха. А может еще более ранняя. Обожаю такие артефакты, мой юный Фокусник.

Вир побежал к телу ближайшего убитого стражника, провожаемый насмешливым взглядом сойки, поднял с земли короткий протазан с фигурным наконечником, на первый взгляд больше декоративным, церемониальным, а не боевым.

Но только на первый.

– Сколько бабка тебе набила на спину? Три? Четыре рисунка? Давай-ка глянем, на что ты способен.

В Вире пробудилась та же холодная ярость, что и в тот день, когда в дом к Бланке пришли незванные гости. Он, оскалив зубы, напал.

«Скорпион танцует на горячем песке», «Скорпион спасается от клюва аиста», «Скорпион встречает горячий ветер», «Скорпион поднимает клешни к солнцу».

Вир был очень быстр, но Шрев ничуть не смешался от такого напора, и когда «Скорпион пил росу с колючек кактуса», легко, издевательски-играюще использовал первый из своих талантов и перерубил древко протазана ребром ладони. Опасный наконечник, кленовым семечком кружась в воздухе, упорхнул на неведомую высоту, а древко было вырвано из рук Вира и почти сразу же использовано против него.

Он среагировал правильно, двинулся влево, видя движение руки противника, пытаясь разминуться с ударом, но этот Шрев был слишком хорош. Даже для Вира, в котором проснулась память рыцарей из прошлого с сотнями поединков и боев. Тяжелая двенадцатигранная окованная железом палка врезалась справа в теменную кость, и та треснула, не выдержав сильного удара.

Сработал инстинкт. Не его. Чужой. Кого-то того, неведомого ему, безымянного голоса, давно ушедшего в мир солнц и лун. За долю секунды до того, как сойка проломил ему череп, исчез светлячок и Вир излечился прежде, чем успел потерять сознание.

Даже прежде, чем понял, что произошло.

– Ого! – с уважением чуть поклонился Шрев. – Быстро соображаешь. И так у нас уже несколько талантов. Давай-ка выудим следующий.

Он подцепил ногой валявшийся возле мертвого солдата корд, пнул оружие к Виру. Оно прозвенело по камням моста, остановилось возле левого ботинка.

– Давай, молокосос. Прежде, чем окажешься в мешке, точно строптивый поросенок, хотя бы побарахтайся.

Вир ударил по клинку, словно это был мяч. Сильно, быстро, неожиданно. Талант усилил удар, раскалил клинок и тот сверкнул в ночи золотой монетой, нет, настоящей молнией, влетел в сойку.

Полыхнуло совершенно беззвучно, Вир отшатнулся, когда жарко взорвалась радуга. Во все стороны плеснули раскаленные разноцветные крупные капли горячего металла, едва корд врезался в преграду, созданную Шревом, и разлетелся на сотни частей.

Капли упали на камни, перила, колонны, поврежденную статую Родриго Первого, в русло пересохшей реки и остались сиять опасными разноцветными шипящими угольками.

Густой мрак по краям улиц за то время, что Лавиани провела в порту, не стал привлекательнее. Кожу пощипывало от ощущения, что мертвая Риона пялится на нее всеми пустыми окнами.

Гадкое ощущение. Почти такое же гадкое, как мокрая одежда, противно липнущая к телу, оставляющая темные пятна на мостовой. Сойка чувствовала себя нервной, напряженной и у нее из головы не шел разговор с герцогиней. Правильно ли она поступила, отказав ей? Этот проклятуший червячок сомнения, сомнения ей не присущего, грыз изнутри, где-то чуть ниже грудины, то и дело поднимаясь, скользя холодным жгутом по внутренностям.

Задумавшись об этом, она потеряла бдительность, так что невесть как оставшаяся в городе кошка (почти все животные покинули Риону, как и люди) умудрилась напугать ее, когда издала тихое, придушенное мяуканье откуда-то с крыш.

Лавиани, вздрогнув, хотела отправить проклятие позабористей, но в этот миг небо озаарила вспышка.

– Это еще что за дрянь?

Не так уж и далеко от нее. Где-то между домом Бланки и дворцом. Скорее всего, у Пьины. Она сделала еще несколько шагов, прежде, чем ощутила присутствие людей с даром соек.

Качество оружия – это не то, о чем мог бы говорить Вир, ибо его личный опыт еще до приезда в Риону заключался в: «насколько остер нож» и «достаточно ли ухватиста дубинка». Теперь же, благодаря знаниям таувинов, ему хватало мимолетного взгляда, чтобы оценить, что попало к нему в руки.

Меч третьего из убитых Шревом стражников, подхваченный с земли, сильно испачканный кровью своего хозяина, нельзя было назвать чем-то выдающимся. Простой клинок. Средней длины, с потертой рукояткой, в меру удобный. Металл – ничего особого. Никакой известный мастер-оружейник не приложил к этому клинку своего таланта. Но вместе с тем за мечом следили. Протирали, смазывали и затачивали.

Им можно было сражаться.

И убивать.

Вир не собирался отступать, а тем паче бежать. Он был не из тех людей, кто боится смотреть трудностям в лицо. Он желал раз и навсегда решить дело, снять висевший над ним призрачный топор, избавиться от этой значительной угрозы.

Здесь и сейчас.

Однажды Нэ сказала ему, опуская палку:

– Поступки, неприятные нам, порой приходится совершать. Я могу этого не хотеть, но просто знаю, что должна. И никак иначе.

– Интересный способ извинения, – проворчал Вир, потирая спину, по которой прошлась давишняя палка. – Ай! Шаутты тебя забе... Ай!

Удары прились на плечи. И в этот раз его били даже сильнее.

– Это не извинения, Бычья голова. Поищи среди ветра, что дует в твоей черепушке, хоть капельку мозгов и осознай, как я добра, ибо делюсь с тобой знаниями. Учю тебя, хотя гораздо проще выдрессировать мою птицу фехтовать на мечях. Запомни, что я сказала. Иногда надо переступить через себя, чтобы совершить мерзкий поступок, если он приведет к благу.

– Благу? – Вир посмотрел ей прямо в глаза, ожидая, что уж этот удар точно будет не чета предыдущим и ходить ему с синяками следующую неделю. – А кто решает, что благо, а что нет? Ты?

Она не ударила, лишь прищурилась и неожиданно ее губы растянулись в усмешке ящерицы.

– Конечно я. Неужели столь важное решение можно доверить кому-то кроме себя?

– Ты берешь на себя ношу Шестерых. Право решать.

– Пф! Каждый человек что-то решает, глупая башка. На свою беду или на чужую. Запомни, когда-нибудь и тебе придется брать на себя то, что не может взвалить и пронести обычный человек. Не потому, что ты можешь. А потому что должен.

И вот сейчас он понял ее слова. Принял урок. Потому что должен остановить Шрева. Чтобы навсегда оставить его позади.

Поэтому Вир дрался, как его учил Менлайо, используя знания прошлого и все то, на что пыталась его натаскать Лавиани.

Сперва у Шрева на губах играла насмешливая улыбка, затем в глазах появилось удивление, теперь же, спустя две минуты с того, как они начали танец, сосредоточенность. Внезапно, совершенно не ожидая этого, он столкнулся с противником, который оказался опасен.

Сталь звенела со скоростью лошади, чьи подковы выбивали искры из мостовой во время галопа. Рубящие удары, уколы, финты, шаги и отшаги. Смена стоек, использование всех известных фехтовальных школ, постоянное движение, бесконечное уклонение.

Они были двумя тенями на пустом ночном мосту, среди умирающего города.

Шрев был сильнее в мастерстве меча. Вир быстро это понял, а потому не снижал свой натиск, нападал без остановки, чтобы не потерять преимущество. А еще использовал таланты. Один за одним.

Сойка словно бы предугадывал их и избегал, лишь единожды применив свою способность, отразив пламя, расколовшееся о его воздушный щит, двумя рыжими лисьими хвостами ударившее в берег, поджегшее таверну, где некогда Вир любил посидеть.

Шрев разорвал дистанцию, отступая, поднимая свой клинок над головой, в высокой защитной стойке.

– Жаль, – сказал он, и в его голосе слышалось это самое сожаление. И не только. Разочарование. Раздражение. Даже злость. – Десять талантов. Слишком много. Со временем ты станешь слишком опасен.

– Не удержишь в мешке? – рассмеялся Вир, хотя ему и было не до смеха. Он пытался придумать хоть что-то, чтобы прорвать защиту. Но уже через секунду забыл о нападении, так как сойка принялся за него всерьез.

Без дураков.

Казалось, странный клинок в руках Шрева не растроился, а расдесятерился, стальным павлиньим хвостом раскрылся вокруг него и ринулся в атаку, упав одновременно со всех сторон.

Виру пришлось нейтрализовать этот необычный талант своими. Ускорившись и превратив кожу на левой руке в непробиваемую броню, используя ее вместо щита. Он едва касался земли ногами, так быстро приходилось ему перемещаться, чтобы не попадать под острые лопасти, несущиеся со всех сторон.

Те, встречи с которыми не удалось избежать, Вир ловил на плоскость клинка или предплечье левой руки и вышел из смертельной выюги лишь с несколькими болезненными глубокими порезами на боках и спине.

Шрев с задумчивым видом облизал губы, заметив, что плохонький меч Вира слабо дымит, а на его кромке сами по себе появляются щербинки.

– Я выдою тебя, малыш. Точно крестьянка упрямую корову. И когда ты растеряешь все рисунки... – сойка пожал плечами, предлагая самому догадаться, что тогда будет.

– Как быстро я стал не нужен Ночному клану... тебе. Тревожный звоночек для меня, – Вир поднял зажатый в левой руке колокольчик, так, чтобы его увидел противник, покачал артефактом, заставив его издать насмешливый мелодичный звон.

– Так ты еще и воришка, – протянул сойка, не скрывая досаду на то, как ловко у него забрали вещь, которую он уже счел своей. И забрали не абы как, а во время рубки на мечах.

Колокольчик трансформировался в щит и Вир ринулся в отчаянную атаку, понимая, что только бесконечный натиск и закидывание талантами, коих осталась половина, хоть как-то повысят шансы выстоять в схватке.

Все завершилось, он не понял, как долгий обмен ударами превратился в мгновение, и выбила его из этого наваждения лишь потеря клинка.

Шрев стал прозрачным, пропуская меч сквозь себя, а затем схватил его голой рукой и сломал, оставив в ладони Вира только рукоять. Удар ногой в щит, который едва не влетел ученику Нэ в подбородок, и мощный прямой укол под щит, в самый низ открывшегося живота.

Теперь уже Вир стал прозрачным, а после сделал то, что подсказали ему инстинкты таувинов прошлого. И из артефакта в его руках, из самого центра, вырвался ослепительный алый луч.

Ради вошел тихо, но не потому, что таился. Бланка уже успела понять, насколько незаметно тот двигается. Он негромко кашлянул, на всякий случай обозначая свое присутствие, скорее из вежливости, чем боясь ее напугать. Был уверен, что слепая прекрасно знает о его присутствии.

– Твой друг циркач уснул прямо в столовой, госпожа. Он необычный.

– В чем же?

Ради сел прямо на траву, возле ее ног. Точно собака, которой дали сложную команду, и она не знает, как ее выполнить.

– У меня нет ответа, – наконец произнес он. – Ответит ли богиня за меня?

– Богини здесь нет, а я промолчу.

Повисла тишина, которая, впрочем, ничуть ее не тяготила.

– Твой второй друг ушел. Расписной. Он тоже странный. Зачем выходить в окно, когда есть дверь?

– Возможно, я на пути из этой двери, и Вир решил меня не беспокоить. – Бланка немного встревожилась оттого, что парень оставил ее столь внезапно. И задумалась над этим.

В саду вновь растеклось молчание. Говорило лишь пламя на единственном факеле, воткнутом в скобу колонны, уже почти догоревшем.

– О чем ты мечтаешь, госпожа?

Странный вопрос. Бланка чуть склонила голову, услышав его, и Ради замешкался, стараясь ненароком не коснуться ее.

– Какая мечта тебя интересует? Маленькая? Большая? Сиюминутная? А может быть та, которую я несу в своем сердце с самого детства? Бесконечно-долгая? Реальная мечта, способная осуществиться или которая никогда не сбудется, как бы я к ней ни стремилась? Мечта женщины или мечта богини?

– Просто мечта, – дэво ничуть ни смутился ее насмешливой иронии.

– Хочу знать, куда ты ведешь меня. Или... хочу знать, почему согласилась пойти с тобой? Стоит подумать о правильной формулировке.

– Это не мечта, о милосердная. У мечты иное сердце. О чем ты мечтаешь, госпожа? Прямо в эту минуту?

– Хочу увидеть звезды, – это первое, что пришло ей на ум, и внезапно Бланка поняла, что сказала правду. Да. Действительно хочет. Она уже несколько лет не видела ночное небо.

– Мечта достойная Мири. Я восхищен красотой твоих помыслов.

Ее не тронуло его восхищение.

– Ты ведь не случайно задал мне такой вопрос?

– Ты прозорлива, как и говорит Медная книга.

– Скажи, Ради. В Храме считают, если будут лстыть Мири по поводу и без, та одарит вас своей любовью? – на этот раз она не стала скрывать раздражение. – Я уж точно не одобрю мед, что льется на каждый мой чих. Так в чем причина твоего вопроса о мечтах?

– Тебя терзает тревога, о милосердная. Я хотел отвлечь тебя.

Госпожа Эребет чуть приподняла брови. Она была удивлена. Сильно. Мало кто мог понять и заметить, что ее что-то беспокоит или волнует. Братья могли. Даже – Кельг. Они слишком хорошо ее знали. А вот остальные – нет. Не замечали, как чуть поджимаются губы, или приподнимается подбородок.

– Почти получилось. А что насчет звезд, Ради? Сейчас они есть?

– Нет, госпожа. Все небо в странных облаках. Это длится уже почти неделю. Ни одной звезды.

– Жаль. Впрочем, я все равно не могу видеть так далеко.

– Ты видишь гораздо дальше. Через века.

– Опять никчемный мед.

– Прости меня за мою слабость. Я до сих пор не могу заставить себя говорить с тобой так, как ты этого хочешь. Как с обычным человеком. ...Итак?..

Вопрос был адресован дэво, вошедшим в сад.

– Да. Это случилось, – быстро ответил Ремс, самый молодой из троицы. – Я выследил их. Надо торопиться.

Ради перевел вопросительный взгляд на второго.

– Все так, – подтвердил Саби, опираясь на окованный металлом посох. Он сутулился и казался больным. – Все так.

– Зреет предчувствие, мне не понравится то, что я услышу сейчас, – проронила Бланка. – И оно настолько сильное, что я бы пожелала заткнуть уши, но это уж слишком по-детски. Говори, Ради.

– Мы не сделали ничего, кроме того, чего ты желала.

– Я желала увидеть звезды, как ты помнишь. Ты собираешься мне их показать? Если нет, то хватит ходить вокруг да около.

– В твоём пророчестве о той, что разорвет мир, было несколько непонятных строф. Что сшить его можно, если рядом будут краб и светлячок. Один из них даст нитку.

– Так... Светлячок это Вир. Его рисунки. Краб? – И прошептала едва слышно: – Проклятый тьмой краб.

Она знала, у кого татуировки с изображением крабов. Крабов, ползущих по песку.

Шрев.

Это было невозможно. Он умер в Туманном лесу. Убит Тэо. Сгнил на дне канала. И память о нем осталась лишь в ее ночных кошмарах.

Потребовалась огромная воля, немыслимая, чтобы заставить себя сделать шаг вперед, скинуть оцепенение, прогнать липкие пальцы паники.

А если Шрев нашел Вира... Варианты выходили совсем мрачными. Она порывисто встала со скамейки:

– Я там нужна?

– Так ты сказала. В Медной книге. Взять нить, – Саби смотрел в пол, словно ему было больно глядеть на нее прямо.

Она помнила слова Ради о том, что в прошлом с бедой, случившейся в Рионе, уже справлялись, и для этого им потребовался таувин.

– Кто даст эту нить? Краб или светлячок?

– Прости, госпожа. Сие неведомо. Мы можем узнать, лишь придя туда. Ремс покажет дорогу. Его ведет запах.

Путь она запомнила плохо. Ради и Саби подхватили ее под руки, чтобы Бланка шла быстрее. Тревога нарастала, женщина несколько раз теряла важную мысль, затем вычленила ее, сказав:

– Тот, другой. Он очень опасен.

– Мы тоже, милосердная, – ответил Саби равнодушно. – И ты. Ты опасна не меньше. Если он может, то пусть страшится.

Внезапно она увидела, как нити на до этого недостижимом для ее взгляда небосводе пошли волнами, закачались и погасли точно также, как и зажглись. Теплый ветер, пронесшийся мимо, взметнул ее локоны, лизнул шершавым языком щеки.

– Что это было? – спросила она. – Что вы увидели?!

– Вспышка, о милосердная. Алая вспышка до облаков!

Моста Арбалетчиков больше у Рионы не было. На месте крутых берегов лишь дым, а внизу, перекрывая обмельчавшее русло, дымилась груда каменных блоков, которая погребла под собой памятник Родриго Первому.

Ноги Вира по колено погружались в вонючий жирный речной ил, смердящий протухшей рыбой. Он с трудом делал медленные шаги, едва не падая в эту грязь, прежде чем добрался до завала.

Обод его щита все еще оставался раскаленным и металл светился бледным розовым светом, медленно остывая. Вир ощущал опустошение от того, что потратил все таланты, вложив их в артефакт Нэ столь бездумно и недальновидно.

Он видел, как Шрев, словно змея, уклонился от луча, врезавшегося в ближайшие дома, а после, когда Вир повел щитом следом за сойкой, в мост, прыгнул вниз прежде, чем вся конструкция обрушилась.

Конечно, можно надеяться, что постройка рухнула на голову противнику, но отчего-то Вир сомневался в своей удаче и верил в удачу Шрева.

И все равно он не собирался отступать. Поэтому не стал убегать. Начал искать.

На этой стороне завала сойки не было, и Вир, карабкаясь по горячим камням, начал подъем вверх, на «хребет», чтобы перевалить через него и спуститься с другой стороны. Все равно ему пришлось бы это сделать, по столь отвесным берегам вернуться в город уже не получится, надо идти по руслу на запад.

Путь занял неожиданно много времени. От некоторых каменных блоков, которые не подняли бы и десять человек, остались лишь лужицы остывающей лавы, уже покрытые черной коркой, но все еще обжигающие. Приходилось искать новый путь, ломая ногти и рискуя сорваться.

Наконец, он оказался наверху, но прежде, чем начать спуск, внимательно осмотрел дно, затянутое дымом, который не спешил рассеиваться.

Ничего не увидел, и шел с осторожностью, слушая, как потрескивают остывающие камни, как внизу рассерженно журчит вода, которая не может найти выход. Ожидал, что затаившийся противник использует талант или, на худой конец, бросит нож, но ничего такого не случилось.

Он прыгнул в воду, где было мелко, пока еще по щиколотку – и увидел Шрева.

Тот лежал у самого берега, на боку, наполовину погруженный в грязь. Его ноги были придавлены каменным блоком и, как понял Вир, от них вряд ли осталось хоть что-то. Но меч до сих пор был в его руке. Он чуть приподнял голову, зло сверкнул глазами, с усилием, не удержав стоны, бросил клинок Виру.

– В тебе до шаутты сюрпризов... – едва слышно проронил сойка, затем скрипнул зубами, сдержав стон.

– И что мне с ним делать? – Вир поднял меч. – Прикончить тебя?

– А ты этого не хочешь?

– Хочу, – прямо ответил он.

Усмешка на обезображенном лице была слабой.

– Знавал я одного человека... куда лучшего, чем мы с тобой. Он сомневался и проиграл. Мы с тобой выкованы из другого металла, парень.

– Нас ковали разные кузнецы.

– Тоже верно, – по краю его рта потекла кровь. – Шаутты рано или поздно прикончат тебя.

Можно было не делать ничего. Вода прибывала и уже поднялась по щиколотку. Река, пускай от нее остался один ручеек, упиралась во внезапную плотину и пока безуспешно искала проход. Не пройдет и получаса, как она просто скроет под собой Шрева. Если тот не умрет раньше.

Легкий, пускай и малодушный способ не испачкать руки.

Вновь вспомнились слова Нэ о неприятных вещах, которые ты вынужден совершать время от времени, хочешь того или нет.

Он шагнул к сойке, глаза которого уже туманились, и резко обернулся, когда услышал приближение нескольких человек. Те шли, черпая ногами воду, не скрываясь, и Вир с изумлением узнал трех дэво и госпожу Эрбет, которую они вели.

– В сторону, Расписной! – самый старший из служителей Мири выставил перед собой посох, который концом уперся в грудь Виру, когда он хотел подойти к Бланке. – Не мешай. Не сейчас.

Вир покосился на женщину, но не стал задавать вопросов или спорить. Остановился, опустив меч.

– Мы едва успели, – с явным облегчением выдохнул Ремс, держащий фонарь. – Едва. Сделай, как мы сказали, госпожа.

Бланка словно бы его и не слышала. Смотрела на сойку, прямая, как палка, с закушенной нижней губой и сжатыми кулаками. Вир прекрасно понимал ее состояние и каким-то внутренним чувством предполагал, к чему подталкивают ее дэво.

Он не знал, правильно ли это или нет, то, что она собиралась сделать, но не сказать не мог:

– Эй. Ты ничего никому не должна. Я закончу начатое.

Она повернулась к нему, немного печально ответила:

– Увы. Некоторые грязные дела мы должны делать сами, нравится нам это или нет.

Она сказала почти те же слова, что когда-то Нэ, и сделала решительный шаг к Шреву. Тот все еще дышал, но уже мало что видел вокруг, его глаза стекленели.

Действовала Бланка быстро и хладнокровно. Кинжал из ее рукава, тонкий, совершенно игрушечный, вошел Шреву в шею. Ранка оказалась небольшой, но кровь ударила вверх упругой струйкой.

Бланка отсекла длинный рыжий локон собственных волос, свернув жгутом, прижала его к ране. Тот потемнел, а затем, насытившись кровью, начал пропускать ее сквозь себя и та потекла между пальцев госпожи Эрбет.

Прошла минута, другая. Наконец, когда глаза сойки окончательно застыли, женщина тихо вздохнула, выпрямляясь.

– Иногда ты думаешь, что убила кошмар, но сердце знает правду, – в голосе ее звучала обреченность. – Она состоит в том, что, даже убив кошмар в реальности, все равно встретишь его во сне.

Протянув испачканный кровью жгут волос Саби, который принял его с поклоном и стал заворачивать в льняную ткань, расписанную символом Мири – кругом, заключенным в круг, Бланка сказала:

– Так и знала, что это не принесет мне никакого облегчения. А жаль... Надеюсь, вы не ошиблись.

– Мы можем ошибаться, о милосердная. Но Мири не ошибается никогда.

– Милосердная... – ее губы произнесли это слово, точно оно отдавало гнилью. – И ты здесь. При дурных обстоятельствах мы встречаемся этой ночью.

Сверху посыпались мелкие камешки, и Лавиани прыгнула вниз, совсем рядом с Виром. Покосилась на него, словно выискивая раны, затем посмотрела на Шреву.

Вода уже наполовину скрыла его.

На лице сойки проступила неприкрытая ненависть. Но она справилась с собой, несколько раз глубоко вдохнув, запрокинув голову к облачному небу.

– Где же ты ошибся, мальчик? – сказала она мертвецу со странной печалью. – Или я?
А после закрыла его глаза.

Глава четвертая

Кузнец

Однажды подмастерье кузнеца, встретил шаутта. Демон втерся в доверие, ложью проложил дорогу к дружбе, нашептал на ухо, что подмастерье достоин большего.

– Твоя сила вырастет, ты сможешь открыть свою кузницу, – так говорил он. – Покажешь мастеру, что лучше, чем он. Надо всего лишь раскопать самую старую могилу на кладбище.

И тот поверил ему. И ночью, взяв лопату, при свете фонаря начал копать, нарушая заветы Шестерых.

Подмастерье сломал гроб, надеясь найти там силу, но из него выбрался второй шаутт. И оба демона, смеясь, пожрали глупца.

Потому что не стоит тревожить мертвых.

Старая сказка Единого королевства.

Когда, примерно через тысячу лет, земля перестала рыдать, то вздохнула. Точно большой травоядный зверь, избавившийся от страха. Глубоко и шумно. Тяжело переживая случившееся.

Девушка стояла и слушала это живое дыхание, ощущала его через подошвы алебастровых туфель. Горы слабо подрагивали, возмущаясь, что их заставили разойтись в стороны, распахнуть долину, по которой теперь, упруго ревя, неслась грязно-бурая, только что родившаяся река. На одной из ступеней она спотыкалась, падала вниз, превращаясь в колоссальный свирепый водопад.

По алому, впитавшему в себя зарю, небу, расходились круговые волны и возмущенные этим облака – целыми легионами – трусливо бежали во все стороны, стремясь поскорее скрыться за горизонтом. Те из них, кто не успел, рассеивались по небу, словно мука по широкой тарелке, а затем сгорали, обращаясь в странную плоскую радугу, захватившую весь алый небосвод.

Небо дрожало, точно также, как и земля, кашляло больным громом и разветвленные корневища молний врезались в горные пики, выбивая из них золотые искры.

Горячий вихрь змеей прополз через всю долину, без злобы обнял девушку, даря огонь солнца сквозь тонкое пурпурное платье. Пурпур – ее любимый цвет, совершенно не подходил к сегодняшнему случаю.

И к ее настроению.

Она присела, коснулась ладонью все еще теплой земли, подняла пару похожих на кубики камешков. Нет. Не камешков. Спекшиеся косточки какого-то несчастного зверька, не успевшего убраться, когда мир стал меняться. Повинуясь наитию, девушка убрала их в маленькую поясную сумочку.

– Ты плачешь, Младшая, – мягким шепотом обратился к ней Нлон. – Есть ли повод для грусти?

Она подняла на него глаза. Высоченный и внешне совершенно нескладный, ее учитель обладал невероятной пластикой движений. Он не шел, танцевал, стелился над землей и его призрачный плащ из теней летел на весеннем ветре, мерцая искрами, что были основой его крови.

Мерк, немного стыдась чувств, вытерла мокрые щеки:

– Во мне слишком много эмоций, только и всего. Я восхищена тем, что у тебя получилось. Она прекрасна. Этот последний штрих сделал всю долину настоящей драгоценностью.

Теперь они оба смотрели на антрацитовую башню, состоящую из немыслимых граней, углов, шипов, острой чешуи и пронзающих алое небо шпилей. Мерк до сих пор ощущала, как появление строения в этой реальности, заставляет воздух слабо звенеть.

– Она одна из двух, что будут.

– Зачем они тебе?

– Нам, Младшая. Вторую построят Нилн и Текл. Моих сил на нее уже не хватит.

Она хотела указать, что учитель не ответил на вопрос, для чего его народу требуются башни, но он заговорил первым:

– В твоих глазах не только восхищение, дочь моя. В них бездна печали. Что не так?

Девушка подняла к небу узкую ладонь с длинными пальцами, словно бы закрываясь от солнца.

– Я урод, – в ее голосе послышалась жесткость к самой себе. – Вы призвали нас в одно время, выбрав самых талантливых из всех людей. Семерых. Мне было четырнадцать. Теперь двадцать два, и ты сам знаешь, чего я смогла достичь за прошедшие годы.

Он ничего не сказал. К чему? И так всем вокруг известно, чего достигла Мерк.

Ничего.

Она единственная, у кого дар не проявлялся. Мерк ощущала его, но никак не могла ухватить. А точнее разбудить.

– Мальт и Моратан могут открывать дорогу в ваш мир, смотреть на солнца и луны. Мири способна ткать нити, Миерон... – Мерк осеклась, поняв, как глупо перечислять все, что умеют другие. Уж Нлону, как призвавшему их, это известно куда лучше, чем ей. – Тебе не кажется, что я достаточно выросла, учитель? Сколько ты будешь беречь меня от правды?

Асторэ сел на теплую землю, подтянул длинные нескладные ноги к коленям, плащ из теней укрыл его, и когтистая рука похлопала рядом, предлагая Мерк присоединиться.

– Ты должна понимать, Младшая, что правда многогранна.

– Правда пряма. Лаконична. И понятна. Иногда для того, чтобы озвучить ее следует лишь сказать «да» или «нет». Так ответь. Я смогу использовать твоё волшебство?

– Нет.

В носу предательски зашипало, но на этот раз девушка справилась с эмоциями, приобняла учителя и коснулась губами его сухой, горячей щеки.

– Спасибо.

– Что забрал у тебя надежду? Ты не понимаешь, Младшая. Не понимаешь своего собственного дара. Он у тебя особый и не позволит использовать мою магию. То, чем владеют асторэ, в большинстве своем недоступно людям.

– Но Мальт...

Нлон поднял ладонь, прося не перебивать его:

– Вы семеро – единственные из племени, в ком мы нашли предрасположенность к волшебству, хотя изначально никто из нас не ставил такой цели – учить вас подобному.

– Мали и Мири начали учиться сами...

– Да. И стали совершать ошибки, которые касались всех нас. Поэтому я выступил за то, чтобы помочь вам познать мир таким, каков он есть. Но то, что вы используете – это не наша магия. Не наша сила. Вы как цветы, что ловят скудный свет далекого холодного солнца, который течет из мира Трех солнц и десяти лун.

Она знала, о чем говорит учитель. То, что использовали ее братья и сестры лишь капля от магии, принадлежащей асторэ. Никто из людей не смел зачерпнуть больше, ибо их тела были неспособны вместить в себя великую силу, текущую из соседнего, истинного мира создателей. А Мерк не могла и этого.

– Мы долго ждали тех, кто способен помочь нам. Эйвы, уины, д'эр вин'емы – они не подходят, хоть и любимы нами. Лишь вы, люди, оказались близки к тому, чего мы так долго искали.

– И в итоге наше появление здесь травит этот мир и убивает его.

Нлон издал немного насмешливый звук, отчего искры в его сосудах замерцали звездным светом.

– Зная твою натуру, ты в этом винишь исключительно себя, Младшая.

Мерк, ничуть не улыбнувшись, серьезно ответила:

– Все человечество. С нами вы совершили такую же ошибку, как и с гвинами. С них ведь все началось.

Искры учителя погасли, он весь окутался в тени и туман, возвращаясь мрачными думами во времена, трагичные для каждого асторэ. Когда им пришлось уничтожить тех, кого они создали еще до людей.

– Гвины умели черпать силу той стороны. Их желания были порочны и опасны.

– Знаю. Вы приняли решение.

– Оно было тяжелым, но правильным.

Мерк вздохнула и прижалась головой к его плечу.

– И вот появились мы.

– И вот появились вы.

Они смотрели, как остывает небо, теряя алые краски, наливаясь светом обычного дня. Потревоженная земля все еще дрожала и вздыхала.

– Мири говорит, что все наше существование повод для грусти асторэ. Что мы ваше разочарование, такое же, как гвины. Червоточина, сжирающая мир. Что наше будущее predetermined и принесем мы вам лишь беду.

– Мири не всегда права, Младшая. Порой она считает, что видит грядущее, но забывает о переменчивости нитей. Вы не ошибка.

– Скажи это моему дару. Ведь я единственная, кто связан с той стороной. Как гвины.

– Гвины могли черпать силу, для вас же тот мир закрыт, точно также, как для нас. Поэтому ты и не сможешь пользоваться магией.

Он не добавил «никогда», но это слово прозвучало в голове Мерк. Никогда она не станет той, кем должна была стать. Потому что не может черпать, как другие, из источника асторэ. Ей подвластна лишь тьма, которая под запретом...

Пламя разгоралось плохо.

Огонь, словно не желая участвовать в том, что задумала Мерк, гас не раз и не два, отказываясь прикасаться к пище, будто считая ее отравленной. Потом, спустя время, показавшееся Младшей вечностью, он согласился принять солому, кленовые листья и уголь из южных шахт. Но все еще не хотел расти и сварливо чадил. Она проявляла с ним терпение, точно с капризным больным, возвращала на ладонях, мягко дышала, отдавая ему свои силы, шептала о том чуде, что уготовано им создать, уговаривала много часов.

И, наконец, жестокосердное пламя прислушалось к ученице асторэ. Неожиданно вспыхнуло так, как вспыхивает ночью венец на вершине пробудившегося вулкана. Рев потряс все основание пустующей башни, эхо стремительным голубем заметалось, ударяясь о стены, врезааясь в лестницы и мчась по высоким пролетам, неслышимое никем, кроме нее. После пламя сыто ревело, щедро отдавая жар горну, и басовито пело, порой поддерживаемое шумным дыханием раздуваемых мехов.

Никто не беспокоил Мерк. О ней словно забыли, потеряли в самом сердце башни, среди лабиринта коридоров и негромких всплесков воды вечно теплых бассейнов, в которых ночами дно светилось бледно-голубым светом невидимых звезд. Она скрылась, желая отвлечься от всего, забыть о своих неудачах.

Та, кому не суждено было стать волшебницей, собрала золотые волосы, скрыла под кожаным плотным чепцом, сменила легкое платье на штаны, короткую рубашку и плотный защитный фартук.

Не все братья узнали бы ее сейчас. В пропитавшейся потом одежде, с вымазанным сажей и копотью лицом, с несколькими ожогами на плечах и предплечьях, с растрескавшимися кровотокающими губами, Мерк орудовала молотом, который для обычного взрослого мужчины был бы неподъемен. Но сила ее спящего дара, сила крови первых людей, любимых созданий асторэ, позволяла не замечать тяжести и не ведать усталости долгие часы.

И в этой работе Мерк, действительно, забыла о своих бедах. О пустоте, что поселилась в сердце. И мире, который отказывался принимать человечество и терпел их лишь благодаря асторэ.

Она забывалась и соскальзывала в транс, плавя металл в тигле, разливая его в формы, обрабатывая и закаляя. Если хотела пить, то пила из ручья, протекавшего через два зала от ее кузницы. Желала есть – питалась спелыми ягодами размером с яблоко, что росли на моховом ковре, украсившем стену возле лестницы, созданной словно бы из растаявшего воска.

Когда силы иссякали, Мерк спала прямо на полу, подложив под голову свернутое в валик пурпурное платье.

Однажды, проснувшись, она увидела девушку, ходившую по мастерской. Невысокая, с круглым лицом, веселым вздорным носом и смешинкой на щеках, та касалась пальцами то одной металлической заготовки, то другой, проявляя живое, почти детское любопытство ко всему, что здесь находилось. Рыжие волосы она стригла коротко, что Мерк всегда считала настоящим преступлением против красоты.

– Так и думала, что ты вспомнишь обо мне первой, сестрица.

Она не была сестрой. Никто из остальных учеников асторэ не был ей ни сестрой, ни братом, но так они все считали, ибо объединяло их куда большее, чем память крови.

Сила магии стала им семейными узами.

– Я принесла тебе дары, – Мири чуть склонила голову, прислушиваясь к сердцебиению пламени, которое стало внезапно частым и громким. Огонь не ведал иных людей кроме той, кто создала его. – Вино из ежевики и черноплодки, пирог из яблок этого года.

– Яблоки? – чуть хмурясь со сна, Мерк приподнялась над своим «ложом». – Уже осень?

– Ты пропала на пять месяцев. Так что, конечно, уже осень и она близка к своей середине. – Мири подняла изломанную дугу металла, всю словно бы оплавленную и изъеденную. Положила назад, рассеянно потерла пальцы, испачкавшиеся в ржавчине. – Нлон корит себя, что ты ушла.

– На нем нет никакой вины, – Мерк ощутила слабый укол сожаления, что не поговорила с учителем, прежде, чем прийти сюда. – Но спасибо ему за такт. Он всегда слишком хорошо знает мое настроение и не стал беспокоить из-за пустяков.

– Хм... – Мири все еще изучала испачканные пальцы. – Нлон это Нлон. Да что там. Все асторэ куда мудрее нас. Интересно.

Мерк не стала спрашивать, что заинтересовало сестру. Такое случалось часто, ибо ее дар показывал будущее или то, что могло бы им стать. Этим словом «интересно» рыжеволосая женщина отмечала видения, приходившие к ней столь внезапно.

Прямо в воздухе, соткавшись из морозных узоров, обрел форму маленький диванчик с полосатыми подушками, столик на одной хрустальной ножке, больше подходящий чаше для фруктов, изящный подсвечник, тарелки и фужеры. Мири с удовольствием присела и взяла с пола невесть как оказавшуюся там сумку:

– Я, знаешь ли, искала тебя здесь несколько часов и достаточно проголодалась. Нет-нет! – Она остановила Мерк, решившую присоединиться к ней, движением ладони. – Где твои манеры? Ты видела себя в зеркало? Ах, да. Нет зеркала...

Зеркало появилось почти тотчас же, заняв дальнюю стену, но Мерк со смехом отмахнулась:

– Не могла бы ты...

Мири, конечно же, могла – и умывальник, больше похожий на целый фонтан, вспучив пол, вырос рядом с зеркальной рамой.

Мерк с удовольствием умылась, а затем вытерла руки пушистым полотенцем, отмечая сколь приятно, когда ткань касается ее кожи.

– Люблю тебя, – Мири аккуратно разрезала все еще дымящийся пирог, и в помещение, заполненное запахом кузни, где жар и металл пропитали даже стены, на мягких лапах карифского кота втекли ароматы выпечки, яблок и корицы. – Любой из нас таил бы обиду. Или по меньшей мере завидовал, но не ты. Все наши способности, то, чего ты лишена совершенно несправедливо, воспринимаешь без злобы.

– Злиться можно лишь на свой дар. И на ту сторону, закрытую для этого мира. Где-то в ней таится ключ к моим способностям, но достать его все равно что прыгнуть в бездонную пропасть, – она села на диван, и Мири протянула ей блюдо с кусочком пирога. – Полагаю, Мальт прислал тебя.

– Он беспокоится, – не стала отрицать Мири. – Не меньше, чем Нлон. Даже больше.

– Отчего же не пришел сам?

– Границы слабеют. Мир, где могут жить люди и асторэ, сжимается. Мы потеряли много земель, пока ты здесь. Он сражается, как и все остальные.

– Но не ты.

– Я не очень-то приспособлена для битв, – она повела покатыми плечами. – Выпечка занимает меня куда больше.

– Но ты видишь грядущее, сестра. Скажи мне, есть ли решение?

– Увы, грядущее не подчиняется моим желаниям, Младшая, – Мири чуть вздохнула, открывая кувшин с вином. – А было бы неплохо. Оно подсовывают мне иногда странные вещи. Например, сказало, что завтра, то есть сегодня, я буду пить апельсиновое вино. На зло ему, взяла ежевичное с черноплодкой.

Она налила хмельной ярко-оранжевый напиток в прозрачный бокал, затем поймала на губах Мерк усмешку.

– Апельсиновое, чтоб его.

– Ты продолжаешь пытаться управлять будущим, и вот результат.

– Я не меняю нити с тех пор, как Нлон запретил, это лишь попытка обмануть видения.

Мерк знала, что за всей этой мягкостью сестры скрывается много-много упрямства. А еще любопытства. И стремления познавать нечто новое. Двигаться вперед. Мири, как тщеславный вор, для которой запрет, словно сложный замок – вызов. Маленькую рыжую сестру никогда не останавливали запреты. Ее остановило кое-что другое.

Когда асторэ поняли, что Мири видит нити, первооснову волшебства, и может ее менять, а это, в свою очередь, меняет магию, ибо один конец нитей здесь, а другой теряется на той стороне, они призвали тех, кто стал следить за своеволием людей.

Миерон называл их сулла, а Моратан куда более точно – убийцами гвинов.

И теперь Мири только смотрела, но не меняла.

Почти... не меняла.

Касалась их столь незначительно, чтобы не привлекать к себе чужого внимания.

– Какие еще новости, кроме борьбы с тьмой?

– Мальт решил построить город. На юге, в плодородной долине. Теперь они спорят с Милтом о названии.

– И какие варианты?

Мали скорчила рожицу:

– Смешные. Странные. Пафосные. Ты же знаешь наших братьев. Уверяю тебя, что ни одно название, из предложенных, не подойдет. Город, если он когда-нибудь появится, назовут Аркус.

– А им об этом известно? – вопреки желанию сохранить серьезность, Мерк не могла не улыбаться.

– К чему? Пусть забавляются, споря друг с другом до хрипоты. Что ты пытаешься здесь сделать?

– Что бы ни пыталась, ничего не выходит, – она уклонилась от прямого ответа.

– Хм... Тебе отказано в способности пользоваться даром, но он никуда от этого не денется из твоей крови. Та сторона закрыта для всех, а вот ее дыхание... Металл ржавеет и плавится, стоит тебе начать работать с ним. Очень интересно. Сталь не подходит. А золото?

– Я не пробовала. Пока, – она отведала кусочек пирога, одобрительно кивнула. – Твоя выпечка как всегда чудесна.

– Это мелочь. Основной подарок вот.

Мири не удержалась от театрального жеста, но серьезность сохранить не сумела, подмигнув сестре с видом заговорщицы, замыслившей невероятную шалость. Поперек ее двух ладоней, сформировавшихся из воздуха, упал тяжеленный брус. Руки предательски подались под его весом, но все же гостя смогла удержать странный дар и положила на стол перед Мерк.

Почти ярд в длину, почти круглое сечение, почти прямой, почти гладкий.

Слишком много «почти».

Она подалась вперед, рассматривая потемневший металл с выражением глубокого сомнения. Увидела трещинки, выемки, ложбинки и ямочки. Небольшой изгиб, сплюсненность у дальнего края.

Прислонила ладонь, закрыла глаза, и Мири увидела, как под веками быстро-быстро двигаются глазные яблоки. Наконец та вздохнула, откинулась назад, взяла вино, сделала большой глоток, ощущая на языке вкус апельсиновой цедры и меда. Больше не было улыбок, веселья. Жесткий взгляд. Почти гневный.

– Похоже на серебро, – голос Мерк тоже теперь звучал... не так. От легкости не осталось и следа.

– Всего лишь похоже, – Мири продолжала безмятежно улыбаться.

– От него смердит смертью.

– Тебе виднее.

– Этот металл прежде был частью живого.

– Да.

– Кость, превращенная в серебро. Ребро, если быть точной.

– И снова «да».

– Нам запрещено заходить в хранилище асторэ. Сомневаюсь, что ты об этом забыла.

– О, я обладаю прекрасной памятью, хоть и путаюсь порой, теряя из-за нитей представление между нынешним и будущим. Но я не ходила в этот могильник. Старшая дерзнула.

Эти слова удивили Мерк настолько, что она подалась вперед.

– Мали?!

– Представь себе. Самая разумная из нас решила бросить перчатку, не желая оставаться послушной игрушкой. Ее можно понять.

– Все настолько плохо?

– С тех пор, как ты предалась одиночеству, ее недуг ускорился. Она слепнет с каждым днем, и никто из нас не может помочь. Так суждено, говорит Текл. Все они говорят. Мали решила увидеть как можно больше, пока у нее есть такая возможность. Так вот, – Мири коснулась пальцами серебра. – Это она принесла.

– Когда Нлон узнает, он будет огорчен.

Та отмахнулась:

– Не узнает. Тысячи лет туда никто не ходил, и он не станет проверять каждую полку. Мы взяли совсем немного.

– «Мы»? «Немного»?

– Мальт. Я. Мали. Моратан. Они жутко тяжелые, знаешь ли. А Мали просила помочь. У нее были какие-то идеи на счет этих штук, но, как я понимаю, не вышло. Зрение они ей не вернули, и я подумала, что отнесу-ка в кузницу парочку. Раз Старшей уже без надобности. Ты хотя бы превратишь этот пережиток прошлого во что-то красивое. И я принесу еще, если захочешь.

– Они выступили против асторэ, своих создателей. И оказались очень сильны. Их сложно было одолеть, потому что гвины могли быстро перемещаться в пространстве. Как д'эр вин'емы, получившие потом такой же талант. И чтобы поймать гвинов, асторэ превратили их кости в металл. Лишили легкости. А сулла добила. Вы нашли скелет гвина в хранилище, и в этой штуке слишком много той стороны. Его следовало бы уничтожить.

– Следовало, – согласилась Мири. – Даже у меня от близости с ним кровь кипит, представляю, что чувствуешь ты. Но это невозможно. Во всяком случае пока асторэ не найдут решения. Сила гвинов растеклась по миру, отравив наше с тобой племя. В них до сих пор та сторона.

– И это опасно.

– Опасно, – Мири снова не стала отрицать очевидное. – Как тот же меч. Или даже кузнечный молот. Вопрос лишь в том, как и в каких целях его применить. Гвины принесли много зла, и после них не осталось ничего хорошего. Ты же можешь создать из их наследия нечто прекрасное. Если оно тебе не понравится, мы просто отнесем обратно в хранилище.

Мерк долго молчала. Так долго, что пламя в горне, прислушивавшееся к разговору, вопросительно треснуло, оторвав девушку от раздумий.

– Что ты видела? – напрямик спросила Мерк у Мири. – Что ты сказала остальным? Никто не стал бы все это устраивать, если нет веской причины. Я желаю знать.

– Мои пророчества – моя кара. Они приходят и уходят. Те, что я могу запомнить, в большинстве своем ведут в никуда. Или они рассказывают о событиях столь далеких, что никто из нас не доживет. А, скорее всего, те события вовсе никогда не случатся. Это как бесконечное количество дорог, которые ветвятся, сливаются между собой, петляют, а в итоге... Я ошибалась куда чаще, чем оказывалась права, – Мири наклонилась и заговорила тихим шепотом, так, словно боялась, что их подслушает то же пламя. – Но есть очень маленький шанс, что Мали станет зрячей, а ты пробудишь свой дар.

– Как?

– Говорю же – дороги ветвятся. На одной из них ты стоишь с белыми волосами и в тебе сила, которой нет сейчас. Все, как в тумане. Весь вопрос, рискнешь ли ты найти эту дорогу из тысяч других. Открыть дверь вот этим ключом, – она коснулась кости гвина. – Каждый из нас обретет могущество, продвинется в изучении магии. Это выгодно всем.

– Асторэ...

– Учат нас, – с нажимом произнесла Мири. – Мы нужны им для борьбы с последствиями войны против гвинов. И мы должны стать сильнее, чтобы помочь. Потому что пока нас отодвинули от любых важных дел, ибо мы слишком слабы по сравнению с ними. Лично я хочу быть поддержкой для Нлона и остальных. А ты?

Спустя время после того, как алая нитка расплавленного металла юркой ящеркой втекла в подготовленную форму, остыла и обрела новую внешность, Мерк взяла получившееся в руки.

Металл был черным, приятно-тяжелым и странно-теплым. Он не ржавел, как железо, легко выдерживая силу создательницы. Мири оказалась права. Много часов она молчала, наблюдая за работой сестры и теперь, приблизившись, спросила.

– Что это будет?

– Браслет.

– А что ты сделаешь для меня?

– Еще не решила. Но мне нужно больше металла.

Когда Мири ушла, Мерк уснула, сжимая заготовку. Ощущая приятное тепло и не видя, что огонь в горне горит синим цветом.

Глава пятая

Из могилы и в могилу

Знавал я много разных таувинов. Были среди них и те, кто ждал великих дел. Когда его найдут события, чтобы совершить большой Подвиг, прославиться, стать легендой.

Они годами сидели на месте, игнорируя малости, что случались вокруг: попавших в беду путников, людей, нуждающихся в помощи, страдания простого народа.

Шли годы, а они все еще надеялись на Подвиг, тратя жизнь на пустоту, мечтая о неосуществимом. Не видя, что этот самый Подвиг проходит мимо них почти ежедневно.

Те из нас достойны памяти и легенд, кто действует в малости. Вопреки. Основывая свои устремления не на расчете, а на надежде.

Пусть она порой и бывает призрачной.

Рыжий Оглен.

«Заветы таувинам»

Земля была жирной и скользкой. Сырой, после долгой грозы, летней, ароматной.

О, да. Ароматной.

Земля вкусно пахла влагой, корнями, прошлогодними листьями и мертвецами.

На кладбищах земля всегда пахнет мертвецами.

После душного, прелого, тесного гроба, она наслаждалась этим ароматом и скудным утренним солнцем, заглядывая через край открытой могилы. Шерон не помнила, как долго она пролежала на чьих-то останках, пытаясь выбраться на свободу. Била кулаками, скребла ногтями, желая выбраться из темноты. Затем, понимая, что сил не хватит, впала в глубокую дрему, застыла во льду вечности, между жизнью и смертью.

Она не осознавала, сколько прошло дней или столетий. Не думала о том, как здесь оказалась и каким образом выберется. Выберется ли вообще. Указывающей было все равно, ибо вокруг витала смерть, шептавшая на ухо колыбельную.

А потом внезапно грезы прервались и девушка, словно в нее влили силы, ударила обеими руками так сильно, что выбила крышку гроба, вырвала вместе с гвоздями, откинула в сторону и села, жадно, словно голодная росомаха, вдыхая в себя аромат кладбища и щурясь от утреннего света.

Гроза ушла, рокотала едва слышно, но мелкий дождик все еще накрапывал, падал на белые волосы, и Шерон подставила ему лицо, ощущая прохладную влагу на сухой коже, пробуждаясь от долгого свинцового сна.

А после она стала подниматься вверх.

И... земля была жирной и скользкой. Сырой, после долгой грозы, летней, ароматной. Пальцы скользили по почти отвесным стенкам и выбраться оказалось не так-то просто. Дважды Шерон срывалась, падая обратно, на разбитые доски и кости, пачкаясь в грязи все сильнее.

Было больно, но она только стискивала зубы и молча, упорно продолжала попытки. Возле самого края могилы, чуть-чуть, руку протяни, так близко, снова сорвалась.

Ее поймали в воздухе. Темный силуэт нагнулся над могилой, схватил за запястье, рванул к себе, выволакивая.

Солнце оказалось не таким уж и тусклым. Ярким, белым, очень обжигающим. Она зажмурилась, тяжело дыша, удивляясь, сколько сил ей потребовалось, чтобы оказаться наверху.

– Спасибо, – прошептала Шерон, но вместо слова горло издало лишь хриплый, надсадный звук. Словно подошвой по шершавому камню.

Незнакомец не понял ее, но догадался, что нужно делать. Губ коснулся металлический обод фляги, она сделала осторожный глоток, чуть не захлебнулась оттого, что горло отказалось слушаться. Выплюнула воду на подбородок и грудь, отдышалась, все еще слепо щурясь и видя лишь белый свет.

Сделала новый глоток, вода на этот раз попала куда нужно, и буквально оживила слова.

– Спасибо, – повторила Шерон. – Я едва не упала.

Зрение возвращалось, свет перестал иглами впиваться в глазные яблоки, она смогла разглядеть снежную поляну, сухую, искореженную временем, пораженную трутовиком березу и нижние ветви, на одной из которых сидела галка.

Тощая, с торчащими во все стороны неаккуратными грязными перьями и маленькими черными глазками-бусинками.

Странными глазками, хоть и казались они в первое мгновение обычными, птичьими. Но эти лакированные пуговицы словно видели ее насквозь. Неприятный взгляд, цепкий и голодный.

Шерон едва подавила желание поискать камень и швырнуть в галку. Но просто заставила себя не смотреть на нее.

Человек, что спас ее, показался ей худым, изможденным, грязным и уставшим. Он сильно зарос щетиной, голубая радужка выглядела тусклой, утратившей свет. Глаза ввалились, губы в трещинах, но не кровоточат. Одежда – зимняя куртка, свитер, штаны, меховые сапоги, плащ, шапка – не новая, повидавшая дорогу. Пояс солдата (Шерон уже успела насмотреться на такие – широкий, с кованными частями и тяжелой пряжкой) оказался пуст. Ни меча, ни кинжала.

Перед ней, вне всякого сомнения, был воин, но совершенно безоружный.

– Спасибо, – в третий раз повторила Шерон, пытаясь понять, где же они встречались. Странное ощущение. Очень странное.

– Просто отдаю долг, раз уж ты здесь, – голос у него оказался странно тихий. Она будто бы не слышала его ушами, он раздавался у нее прямо в голове.

Видя, что женщина не понимает, он указал рукой в шерстяной перчатке назад, на могилу. Она обернулась и обомлела. Вместо ямы – распахнутая зубастая пасть чудовища.

Оно дышало гнилым мясом, челюсти чуть подрагивали, а острые призрачные зубы готовы были схлопнуться в любой момент.

Шерон вспомнила. Сон, когда она падала на дно моря. Битва на Бледных равнинах Даула, воспоминание Мерк, которое показал ей браслет. А потом внезапно другое место. И человек, так похожий на нее, вцепившийся в осиновые ветви, держащийся из последних сил над бездной, пожиравшей людей и ведущей на ту сторону.

Тогда она смогла спасти его. Теперь же он спас ее.

– Это не по-настоящему, – Шерон почувствовала облегчение. – Всего лишь сон.

Незнакомец чуть повел левым плечом, поморщился, словно от боли:

– Это не сон. Уж поверь. Ты не спишь. А я так точно не сплю, – улыбка у него была замечательная. Словно солнечный луч, на мгновение появившийся среди хмурого дня.

– Где мы?

– У меня нет ответа.

Он не врал и по лицу было видно, что не знает. Даже не догадывается.

– Как я сюда попала?

– Уже не помнишь? Вылезла из могилы. Из... – он покрутил пальцем, рисуя зубастый круг. – Из этого.

Шерон осторожно подошла к краю, и пасть чуть напряглась, готовясь схватить ее, если только появится такая возможность. Человек и птица следили за ней. Один бесстрастно, другая с пристальным жадным вниманием.

– Я выбралась с той стороны?

Мужчина потер небритую щеку, размышляя, возможно ли подобное в принципе.

– Я понимаю в лошадях, луках, в том, как командовать людьми, вести разведку. Убивать мечом. И у меня нет никаких знаний о том, можно ли вернуться с той стороны. Можно?

Он переадресовал вопрос ей, и Шерон, не скрывая сожаления, покачала головой. Нет. Нельзя. Оттуда никто не возвращается. Лишь зло. Вроде Нейси, точнее того, что пришло в ней.

Пришло из-за Шерон.

– Полагаю, ты остановилась где-то на половине пути к той стороне. А может и в шаге. А потом решила, что тебе рано туда, начала двигаться в обратном направлении и вот ты здесь. Между... – он виновато потер кулаком в перчатке левую бровь, словно оправдываясь. – Ну, надо же назвать как-то это дрянное место? Вполне подходит.

– А ты? Ты как попал в это «между»?

– Я солдат. С солдатами такое случается – оказываться в местах, порой совершенно неожиданных для них. И отнюдь не приятных.

– Ты такой же, как я. Твой дар...

– Я солдат, – мужчина упрямо повторил это. – Воин. Меч. Никогда не сравнюсь с тобой. Даже не представляю, смог ли бы я пролезть там, откуда ты шла. Хочу попросить тебя, если возможно.

– Да?

– Не мешай той, кто придет вместе со мной. Как бы ни желала. И как бы ни желал я.

Шерон нахмурилась, осмысливая сказанное, но галка издала громкий крик, заставивший девушку вздрогнуть. Птица сорвалась с ветки, ударила в грудь человеку, разлетелась редкими перьями.

Его лицо огрубело, пошло волнами, постарело и сквозь него проступило чье-то другое. Незнакомое.

– Что это вы расчирикались, словно две беззаботные пташки? – сказал мужчина странным голосом старухи. – Хочешь, чтобы она застряла здесь навсегда? А ну-ка кыш! Кыш!

И Шерон бросило прямо на ослепительно-белое солнце.

Чтобы оценить происходящее, много времени ей не потребовалось.

Смердело могилой, несмотря на настежь распахнутые окна. Измятая, мокрая от пота постель, занавески, волосы, платье, кожа.

Запах, который не трогал ее с тех пор, как она стала той, кем стала, показался ей отвратительным.

Шерон стала выбираться из кровати, отбросив в сторону одеяло, застыла, осознав, что в ее рту нечто чужеродное, мешающее сомкнуть зубы, отчего слюна стекает на подбородок. Поспешно выплюнула это на серую простыню, с удивлением узнав кубики игральных костей.

Протянула к ним руку, и они послушно закатились ей на ладонь. Она сжала их в кулаке, до боли, так, что грани врезались в кожу.

Боль отрезвляла, отгоняла тягучие липкие нити сна, который никак не мог оставить ее до сих пор. Она слышала в ушах это старческое «кыш!», небрежное и насмешливое. Словно с детьми, у которых нет ни воли, ни прав, ни желаний.

Когда Шерон опустила босые стопы на пол, то задела пустую винную бутылку и та медленно покатилась, а после звякнула об стену. Из соседней комнаты раздались быстрые шаги, вошел Мильвио. Несколько секунд оба пристально смотрели друг другу в глаза, словно искали ответы на вопросы, которые знали только они. Одновременно улыбнулись.

– Ты вернулась, – с уверенностью сказал треттинец, а она лишь запустила пальцы в его волосы, радуясь тому теплу, что осталось в нем для нее.

Мильвио вытащил ее из комнаты, подальше от вони и шипящих свечей, провел через завал в гостиную, плечом распахнул двери, выводя в коридор. Лавиани, сидевшая на голом полу и меланхолично обгрызавшая мясо с говяжьей кости (делала она это с таким видом, словно жевала нечто неаппетитное и оказывала одолжение высшим силам), порывисто вскочила на ноги, швырнув еду в сторону.

– Рыба полосатая! Эта чванливая коза была права! Вышло, Фламинго. Я до последнего не верила, что получится! Сколько прошло? Часов шестнадцать, как мы это сделали?

Шерон, ничего не понимая, повернулась к Мильвио, прося объяснений.

– Про козу это я не о тебе, – успокоила Лавиани, не дав треттинцу и слова вставить, усмехнулась. – На этот раз. Тьма вас заberi, ну и воняете же вы! А ты вообще точно с кладбища выбралась. Идем-ка. Да отпусти ты ее. Я украду твою воскресшую исключительно ради того, чтобы она не отравляла воздух вокруг себя. И ты тоже найди для себя какую-нибудь лужу и не поленись туда окунуться. А одежду сожги. И знаешь что... комнату тоже сожги. Туда теперь никто еще лет сто не сунется. Ну, что застыла? Давай, давай, рыба полосатая. Шагай уже, пока меня не стошнило. Опасаюсь, что даже всего мыла Треттини не хватит, чтобы тебя отмыть.

Много позже, гораздо позже, возможно через сто с лишним лет, во всяком случае так показалось Шерон, пришло осознание реальности.

Того, что она вырвалась, что спала, а точнее умирала и дар ее едва не сожрал разум. Пришла дрожь, озноб, от которого стучали зубы, но Лавиани меланхолично гаркнула, чтобы несли еще горячей воды.

– Большая ценность теперь. Слуги разбежались, остались только дураки вроде нас. Но если завести дружбу на кухне, то всегда найдутся те, кто нагреет котел кипятка, – сойка делала вид, что не замечает, как трясет девушку.

– Ты и «завести дружбу»? Сплошное противоречие, на мой взгляд, – через силу промолвила Шерон. – Меня удивляет, как ты нас терпишь, а уж кого-то еще...

– Это они меня терпят, – кровожадно ухмыльнулась убийца Ночного клана. – И страдают. Тэо сказал, из-за меня вскоре разбегутся последние, несмотря на приказ этого ублюдочного герцога. Ничего, что я так громко о владетеле? Ну и шаутт с ним.

Она с интересом перебрала большие пузатые флаконы из разноцветного стекла, сняла пробку с одного, понюхала, скривилась. Взялась за другой, с одобрением цокнула языком и вылила в ванну Шерон.

Весь флакон, отчего по комнате, забивая уже совсем слабый аромат кладбища, начал расплзаться запах ландышей из поднимающейся над водой горячей пеной.

– Кстати говоря, это собственная ванна герцогини. Но она тоже сбежала подальше от Рионы, так что ощути себя ее светлостью.

– Ты грустная.

– Да что ты? Потому что решила тебя утопить здесь?

– Мы давно знакомы. Тебе не свойственно столько говорить. Ты словно хочешь сама утонуть в собственных словах.

– Ц-ц-ц, – чуть разочарованно, сквозь зубы протянула сойка. – Это не грусть. Разочарование. Рыжая убила мою мечту. Ее немного оправдывают обстоятельства, но совсем немного. Вот на столечко.

Лавиани показала Шерон два сведенных пальца. Зазора видно не было. Совсем.

– Что бы ни случилось, уверена, она не специально. Ты можешь рассказать о том, что произошло, пока меня не было?

– О... – сойка с видом актера, воздела руки к небу. – За эти недели приключилось столько милых моему сердцу чудачеств.

Она рассказала все, что знала, сухо, лаконично и уже без привычной доли цинизма.

– Спасибо, что не щадишь мои чувства.

– Когда появится время, мы обязательно обнимемся и прольем море слез из-за того, что ты, заключив сделку с Гвинтом, уколошила полностью отвратительный для меня, но все же не самый плохой город. Но сейчас как-то рановато распускать сопли.

– Моя вина безмерна.

– В точку, – согласилась Лавиани, начав перенюхивать полку с цветочными мылами. – Надо было послать этого разноглазого ублюдка на ту сторону. Тогда бы мы потеряли Бланку, с большой вероятностью тебя, а Мильвио пошел мстить и началась сушая потеха. Мерзкая собачонка, конечно же, не переродилась в эту гнусь, но все равно доставила проблем. Но ты бы уже об этом не узнала. Ты лишь маленькая фигурка, которая выполнила маленький шаг, что привел к катастрофе. А вот задумала эту катастрофу отнюдь не ты.

Сойка замолчала, когда за спиной Шерон раздались легкие шаги – служанка принесла новую партию горячей воды. Тонкая струйка потекла в ванну, и Шерон заметила насмешливую ухмылочку Лавиани, которая наблюдала за горничной. Было в этой ухмылке нечто странное, ядовитое. А еще рука сойки легла на один из четырех метательных ножей, что были прикреплены к ее поясу.

Так что указывающая подняла взгляд на склонившуюся над ней служанку.

– Слишком много чести для меня, Яс.

– Что ты, дорогая сестра, – карифка поставила бронзовый кувшин на пол и присела на краешек ванны, любезно улыбаясь. – Мне не в тягость услужить тебе, после столь долгой разлуки.

– Хотелось бы объяснений, – Шерон обратилась к Лавиани, которая внимательно следила за гостьей. – Я вроде вырвалась из сна, но сейчас создается впечатление, что... нет.

– Ну... – сойка пожевала губу, словно бы в сомнении. – Она та, кто помогла привести тебя в чувство. Я посоветовалась с Мильвио и мы решили, что нам требуется любая помощь. От кого угодно.

Это «кто угодно» звучало столь показательно, словно Лавиани говорила по меньшей мере о матери всех скорпионов Феннефат.

– Игральные кости, – Шерон быстро анализировала случившееся. – Это меня вернуло. Ведь так?

– «Если тзамас потерял себя и заблудился в смерти, вложи ему в рот кубики, что связаны с ним крепче, чем ты с матерью». Так иногда возвращали вас в прошлом, когда вы безумели от силы, таящейся в даиратах.

– Просто, – Лавиани скорчила рожу. – Только хрен догадаешься без подсказки. Так что ее милейшая светлость оказала большую услугу.

– Какова цена, Яс?

– Безопасность моей семьи. Моей страны. И я не прошу никаких гарантий, кроме тех, что ты уже дала в письме моему мужу.

– Ты привезла желудь?

– Он будет у тебя через несколько месяцев. Как только преодолеет весь путь через пустыню и море. Если, конечно, Треттини уцелеет к тому времени.

Шерон провела пальцем по стенке ванной, взяла немного пены, подула на нее, пустив во все стороны мыльные пузыри.

– А что между мной и твоим достойным мужем?

– Полагаю, мы все должны отринуть недоразумение, оставить его в прошлом и двигаться в будущее, каким бы темным оно ни оказалось.

– Я слышу твое слово или слово твоего мужа?

– Слово Карифа.

Указывающая поднялась из ванны, взяла лежавшее на табуретке большое полотенце, завернулась в него.

– Я выполню свои обязательства и отплачу тебе за то, что ты помогла.

– Большого мне не надо, – Яс обворожительно улыбнулась. – С герцогом этой потерянной Шестерыми страны я поговорила, а потому, раз все решено, спешу на корабль и плыву назад, ожидая от тебя добрых вестей.

– Вы не станете помогать Треттини?

– После того, что я увидела? Увы. Тут все будет потеряно, как только падет Лентр. Нашей армии не попасть сюда без кораблей. Мы сосредоточим свои силы в Алагории и постараемся сдержать племянника моего мужа. Эрего да Монтаг пожалеет, если заявит притязания на трон грифов.

– С ним Темный Наездник или кто там стоит за его спиной. Надеюсь, вы уедете отсюда как можно скорее, и мы встретимся в Ринии.

– А может и раньше. Нет смысла сражаться за то, что мертво. А здесь осталась лишь смерть.

– Смерть это мой хлеб и мой воздух, – возразила ей Шерон. – Я наращу плоть на ее кости и отправлю биться за нас.

Яс ответ понравился:

– Хорошо если так. Хорошо, что та девушка с кукольным личиком, которую я встретила в Небесном дворце, столь изменилась. Твое лицо стало взрослее, а волосы блее. Теперь я боюсь тебя, Шерон из Нимада. И это тоже хорошо. Возможно, у нас еще есть надежда на победу над тьмой, раз сама смерть может выступить за простых людей.

Стоило бы сказать, что Яс не самый простой человек в мире. Но это было слишком глупо и совершенно не нужно.

– Такие, как они, ничего не забывают, – произнесла Лавиани, когда жена Грифа Пустыни ушла вместе с почетным караулом вооруженных до зубов гвардейцев, ждавших ее за дверью.

– Знаю, – указывающая смотрела на себя в зеркало. Теперь уже не половина головы ее была белой, а большая часть. Лишь одна темная прядь над лбом осталась прежней.

– И в будущем, вполне возможно, они припомнят тебе тот побег из Эльвата. И мне, кстати говоря, тоже.

– Знаю. Но до этого будущего всем нам следует дотянуть.

– Давай-ка, одевайся и пора проваливать из дворца. Надо убедиться, что она отчалила и не замысливает какую-нибудь пакость.

Оставшись одна, Шерон еще раз посмотрела на свое отражение.

– Я не спросила твоего имени... Ты сделал не меньше, чем Яс. Может быть и больше, вытащив меня из бездны, тзамас. А я даже не знаю, как тебя зовут.

Они собрались вместе, когда наступил полдень и бледное призрачное солнце, не способное опалить даже снежинку, едва-едва появилось над городской стеной, уже неделю зарастающей странной бледной плесенью.

Бланка, истощенная и не выспавшаяся, сидела на ступенях герцогского дворца, убрав волосы под черную сетку и изменив платьям ради дорожного костюма всадника. Статуэтку она поставила рядом с собой, а три ее тени терпеливо ждали в отдалении, у парковой беседки с сорванной крышей – так, чтобы не слышать беседы.

Они встали на колени, фигуры, замотанные в серую ткань, и отчего-то Шерон подумала, что сейчас рядом с ней не люди, а инструменты. Их жизненная сила казалась совершенно иной, отличной от других, закутанной словно в несколько слоев брони. Пока не пробьешь каждый, до нити, что надо порвать, чтобы отправить на ту сторону, не доберешься.

Тэо обнял ее крепко-крепко, так, что девушка издала жалкий писк и тут же рассмеялась, когда он смутился, поняв, что едва не сломал ей ребра, и отстранился.

– Я не сомневался, что ты вернешься.

От него пахло пеплом, сожженной травой и... ядом. Она чувствовала ту сторону в его крови. Отталкивающую чужеродную болезнь.

– Что это? – Шерон решительно взяла его руку, стянула перчатку, внимательно разглядывая измененные когтистые пальцы. – Откуда столько боли? Тебя ранил шаутт?!

– Все уже лучше, чем пару недель назад, – Тэо аккуратно освободился из ее удивительно цепкого хвата. – Помог отвар из цветов Талориса.

– Не так уж он и помог, – ей пришлось привстать на цыпочки и вытянуть руку, чтобы коснуться его сухого лба. Затем Шерон обратилась к Мильвио: – Ты должен был сказать мне раньше.

– Во времена моей молодости, чтобы убить асторэ требовался не один шаутт. И даже не три. Раны, которые они наносили, были куда серьезнее, чем царапина, доставшаяся Тэо. Впрочем, да, ты права. Должен. Хотя это мало что изменило бы.

– Я в силах помочь.

– Ага, рыба полосатая, – скучным тоном протянула Лавиани, скатала в валик приташенную из какого-то дворцового зала штору и угнездилась рядом с Бланкой, довольно раздраженно косясь на нее.

Шерон недоуменно нахмурилась, видя, как сойка сверлит глазами госпожу Эрбет, а та, обратив черную повязку, делала то же самое своим, особым, зрением.

– Ты знала, что он выжил, – Бланка не говорила, почти что пела. – Я видела по твоим нитям. Ты не удивилась.

Та не стала отрицать:

– Узнала не так уж давно.

– Это было важно для меня.

– Нет. – Это «нет» было весомым, обдуманном и совершенно уверенным. Так что рыжие брови гневно приподнялись над повязкой. – Не важнее, чем жизнь Вира. Чем то, что случилось за это время. Шрев, которого не добил Тэо, в тот момент показался мне меньшей нашей проблемой. Ни к чему тебе было тревожиться еще и о нем.

– Тот день, когда ты начнешь проявлять беспокойство о моих тревогах, станет последним днем этого мира.

Лавиани тут же вернула ответ:

– Последние дни наступили, как сама можешь хм... видеть. Но ладно, ты права в том, что я не о тебе заботилась, а банально забыла рассказать. Или не сочла это настолько важным? Ну, короче выбери любой приятный для тебя вариант, девочка. Обижаться довольно глупо.

– Как и тебе.

– Я злюсь. Не обижаюсь. В Туманном лесу мне не хватило сил, чтобы расправиться с ним. Мне представился шанс и...

– У тебя бы не вышло, – вклинился в разговор Тэо. – Не с самым лучшим сойкой, уж прости. Для этого потребовался таувин.

Лавиани беззвучно произнесла губами ругательство.

– Мальчишка молодец. Признаю.

– А где Вир? – спросила Шерон.

– Я отослал его к Дэйту, под Лентр, – Мильвио пожал плечами, словно извинялся за свои действия. – Его место там, где он может помочь.

– Не в стиле Вира слушаться приказов, – задумчиво протянула Лавиани.

– Так я и не приказывал, – чуть улыбнулся Мильвио.

Лавиани скорчила очередную скептическую рожу. В последнее время у нее это входило в привычку.

– Может, ты наконец-то разъяснишь нам, убогим, что происходит?

Вопрос был обращен к Мильвио:

– Я не знаю того, чего бы не знала ты. Дэво рассказали, что сохранил Храм, и я склонен им верить.

– У-у, – Лавиани разочарованно вытянула губы трубочкой. – Я думала, ты волшебник. Друг Тиона. Величайшая легенда. А у тебя за душой только вечное «не знаю».

– Его время и он куда ближе к нашему, чем к Шестерым.

– Звучит забавно, Бланка. Особенно если подумать, что я на расстоянии вытянутой руки от Мири, – ухмыльнулась сойка. Но тут же стала серьезной и проронила: – Выходит, нам придется доверять словам мутных евнухов и надеяться, что они не водят нас за нос.

– Ты споришь сама с собой, – мягко намекнул Мильвио. – Ведь все видишь. Не веришь им, поверь мне. То, что в Риону пришла сущность той стороны, ее малая часть – я нисколько ни сомневаюсь, потому что ощущаю это своим выжженным даром. Дыхание Облака, что заняло тело Нейси, отзывается в моих позвонках даже сейчас. Нам надо действовать, пока оно спит и пожирает магию. Прежде, чем втянет в себя ее всю и воспрянет, чтобы пойти дальше.

Шерон озадаченно мигнула:

– Я... не очень поняла. О чем ты?

– А. Ну, да, – Лавиани провела рукой, словно фокусник, пытающийся выудить из шляпы даже не кролика, а целого слона. – Тут такое дело. То, что ты выпустила в мир, лишает некоторых из нас славных умений. Я, к примеру, лишилась всех талантов. Нет, чувствую их, как прежде, но... вот.

Сойка без стеснения задрала рубашку, показывая лопатку с бабочками. Затем обе ладони, на которых были идентичные татуировки. В первое мгновение девушка не поняла, а потом заметила, что картинки перестали жить своей жизнью.

Двигаться.

Они застыли.

– О.

– Это ты очень вежливо сказала, между прочим. Лично я орала на весь дворец. Таланты не отвечают моим желаниям. С каждым часом я ощущаю их все слабее. Полагаю, у Вира сейчас та же история. И у безумной Нэ, где бы она ни коптила небо.

– Попробуй сделать что-нибудь, – попросил Шерон Мильвио. – Какую-нибудь малость.

Она, внутренне готовясь к любому развитию событий, достала из сумки кости, кинула их на траву. Те, под взглядами присутствующих, осторожно обошли вокруг хозяйки и неожиданно взлетели к ее лицу, засияв белым.

Горели ярко, как всегда, когда она обращалась к новой стороне своих умений, чтобы внезапно, неожиданно для Шерон, погаснуть и со стуком упасть к ногам.

– Идите сюда, – девушка протянула ладонь и кубики поспешно, словно собака, боящаяся, что хозяин бросит ее за нерадивость и старость, кинулись к ней. – Я чувствую их. Чувствую смерти вокруг. Каждого мертвого, до которого могу дотянуться с этого места. Но... полагаю не смогу поднять больше одного-двух. Даже несмотря на браслет.

– Магия уходит, как и было сказано. Через несколько дней и ты, и Лавиани, станете обычными людьми, – в словах Мильвио слышалась грусть.

– Рыба полосатая.

Шерон же подумала, что она не станет врать себе. Что ей бы хотелось быть обычной. Не ученицей Дакрас. Тзамас. Повелительницей мертвых. Потерять свои способности навсегда. Забыть об этой боли и той вине, что гложет ее за город, который она, пускай и невольно, уничтожила с помощью своей силы.

Но эта жалкая секундная слабость прошла. Горячей водяной волной схлынула по ледяному мосту отступления, разрушая его.

Ее желания, мечты, надежды сейчас не значат ничего. Она станет бороться. Будет некромантом.

Не обычным человеком.

– А ты? Твоя сила? – обратилась Шерон к Тэо.

– Ничего не изменилось. Пока. Изменится?

Вопрос адресовался треттинцу. Тот несколько секунд словно бы взвешивал то, что хотел сказать.

– Ты асторэ. И, признаюсь, я, в отличие от Тиона, ничего не смыслю в вашей магии. Вы черпаете ее, как и шаутты, с той стороны. Полагаю, тебя случившееся либо не коснется, либо дотянется в самую последнюю очередь.

– Разве я не связана с той стороной?

– Да, Шерон. Связана. Ты ее чувствуешь. Слышишь прибой моря, можешь доставать сетью рыбу. А он может нырнуть, искупаться и залить морской водой пожар, или вовсе утопить все вокруг.

– Ну, а я? – спросила Бланка. – Что со мной? Вижу, как прежде, и могу, даже сейчас, если захочу, перебросить нити на Шерон, чтобы дать ей силу.

– Вещь, которой ты владеешь, непостижима. Она плоть той стороны, ее не понял ни Тион, ни Мелистат, ни, полагаю, сам Темный наездник. Лишь лунные люди знают про этот металл настоящую прав...

Он осекся, когда Шерон положила ладонь на его предплечье. Что-то всплыло в ее памяти. Смутное, нечеткое, связанное с металлом.

Она лихорадочно перебирала варианты. Там. У ямы, рядом с незнакомцем?

Нет. Раньше. Гораздо раньше. Еще когда лежала в могиле.

Во мраке. В темноте. Горячий ветер, удары молота, синее пламя, металл.

Да! Металл!

Она все вспомнила, и Мильвио, видя, как расширились ее зрачки, коротко бросил:

– Что?

– Сон. А может быть... бред? Я видела. Я... была Мерк. И он, – Шерон коснулась левого запястья, там, где под кожей сросся с костями браслет первой тзамас. – Показал мне самое начало. Первый ее шаг. Я знаю, что это за металл. Спаси меня Шестеро! Знаю!

Сбиваясь, путаясь, восстанавливая по памяти события, она рассказала все, что помнила.

– Гвины? – Мильвио хмурился, глаза его потемнели. – Полагаю, из их костей Мерк создала не только браслет. Но и остальные артефакты Шестерых.

– Меч с дурацким именем, например, – любезно произнесла Лавиани, потирая бабочку на ладони. – Тот самый, принесенный из Аркуса, принадлежащий Тиону, а после одному треттинцу.

– В Фэнико нет тьмы, – сейчас волшебник оставался слишком серьезен, чтобы обращать на нее внимание. – И в колокольчике Вира. Таувины пользовались им тысячи лет. Тьма не рождает свет.

– Зато свет рождает тьму, когда гаснет, – пробормотал Тэо.

– Даже если кости гвинов пошли на создание артефактов, Мерк хорошо потрудилась, вытравив тьму и заставив их работать на себя и братьев с сестрами в совершенно новой ипостаси. Интересно. Если это правда, то очень интересно.

– А статуэтка Арилы? Тоже из них? – спросила госпожа Эрбет.

Мильвио качнул головой:

– Сомневаюсь в этом. Нет. Перчатка доспехов Темного Наездника не имеет ничего общего с другими артефактами. Она дышит той стороной, вмещала в себе дух Вэйрэна, свела

его с ума, как и Скованного. И полагаю, ты можешь ее использовать и оставаться собой лишь потому... – он заколебался, и Бланка правильно поняла, отчего тот замешкался.

– Потому что я новая Мири, пусть и без памяти о прошлом. Одна из Шестерых. Кажется, мне придется принять этот факт.

– Придется.

– А еще получается, именно ты притащила Мерк кости первых детей асторэ, – вставила свое веское слово Лавиани.

– Ага, – скучным тоном отозвалась Бланка. – А «меня», судя по словам Шерон, поддержала в этом Мали. А Мерк была лишена своего дара, и мы даже не догадываемся, как она его обрела. И истина в том, что все события прошлого – лишь пепел в порту Рионы. Потому что настоящая беда рядом с нами.

– Ты права, – согласился Мильвио. – И я не представляю, как справиться с этой сущностью. У меня нет решения... А что скажешь ты?

Та сложила пальцы домиком:

– Его призрак. Я все еще сомневаюсь, что знания Храма, о которых вещают дэво, не ошибочны. Ради! – Она повысила голос, и одна из трех фигур встала с колен, быстро подошла, поклонилось.

– Следы служат, о милосердная.

– Расскажи моим друзьям то, что рассказал мне, как победить это.

– Медная книга Храма говорит, было так на заре времен. Когда в иной город пришел мрак, его прогнали братья и сестры, используя жизнь таувина. Наша всеблагая богиня повела нам сие через страницы: *«Будет, как уже случилось и сгинуло. Вновь я пойду по следам моих следов, ведома сквозь острый мрак. И сделаю то, что должно, как это требуется, через багянец»*. Так сказала она.

Лавиани протяжно зевнула, даже не утруждая себя, чтобы прикрыть рот ладонью.

– Довольно сложно найти в этих строках какой-то призыв к действию. – Тэо сомневался не меньше сойки.

– Мы знаем из других преданий Храма. Кровь таувинов обладает большой силой, ибо озарена светом мира лун и солнц. В прежние века, после раскола между учениками Шестерых, такие, как госпожа, – последовал кивок в сторону Шерон, – охотились на рыцарей света. Ловили их последний вдох, собирая силу.

Шерон пыталась обратиться к браслету, но тот словно и не слышал ее больше. Тишина. Точнее – пустота.

– Я бы не вошла в кипящую воду, – сказала она, – над которой клубится пар, если бы кто-то утверждал, что та холодна, лишь основываясь на старом пророчестве. Кровь сойки может оказаться пустышкой. Сможет ли она вообще помочь? Шрев не тауvin.

– Да, – с уверенностью сообщил Ради. – Ибо милосердная это увидела.

Лавиани снова протяжно зевнула, выражая свое полное презрение к происходящему. Тратить на это слова она решительно отказывалась.

– Ты знаешь, что делать, если Облако окажется рядом? – спросила Шерон у Бланки.

– Нет, – честно призналась та. – Но я так же ответила бы, спроси ты меня об искари прежде, чем мы вошли в Аркус. Вся моя надежда на то, что это случится, как там. Или как в даирате, когда я шила пространство.

– Цепляешься не за опыт, а за надежду, – Лавиани сокрушенно покачала головой. – Рыба полосатая, да проще сунуть голову в пасть к голодному крокодилу, надеясь, что тот выберет не тебя, а печеную тыкву, чем лезть к твари в теле Нейси, которая пожрала большую часть Рионы. Вот ты на это рассчитываешь, рыжая?

– Ты же сама сказала.

– Надежда – зыбкий песок. Лично меня она подводила много раз.

– У меня нет выбора. Я рискну. Потому что в противном случае не видать тебе твоих талантов. Иду туда исключительно ради тебя.

Они обе усмехнулись друг другу, и сойка едва поклонилась, принимая эту иронию, как должное. Как лучший из всех возможных комплиментов.

– Есть еще проблема, – Тэо смотрел на серый город, раскинувшийся перед ними. Отсюда, с дворцового холма, открывался мрачный вид на огромное кладбище, которое когда-то называли Рионой. – Я сделал несколько попыток попасть в оставленные районы. Но меня отталкивает от границы.

– А меня нет, – влезла Лавиани. – Просто охватывает такой ужас, что ноги сами поворачивают назад. Как ты собираешься войти туда, Бланка? Что говорят писания Храма?

– Ничего.

Лавиани подумала было зевнуть, но лишь обреченно махнула рукой.

– Оно защищает себя, пока спит, – высказал предположение Тэо.

– Пока меняется и набирается сил, благодаря тысячам убитых, – Шерон, говоря это, поняла, что ее голос почти осип. Смерти вокруг никуда не делись, звали ее, шептали, молили, ненавидели и смеялись с издевкой. Приходилось запира́ть их в самый дальний уголок сознания, чтобы не слышать, не сойти с ума.

– Решение есть, – произнес Мильвио. – Когда армия Тиона высадилась на Талорисе и продвинулась к школе волшебников, Мелистат, используя силу шауттов, по сути ту сторону, закрыл свой дворец для всех живых. Никто не мог перешагнуть невидимую грань.

– Полагаю, теперь последует история, как твой дружок обманул Скованного? – кисло протянула Лавиани.

Легкая улыбка, в которой не было ни капли радости:

– Асторэ дали ему магию, он стал частью той мощной силы, что живет в тебе, Тэо.

Акробата озарило, и тот щелкнул пальцами:

– Зеркала Марида...

– Да. С помощью них он обошел преграду лунных людей.

– В университете я читала, что Марид создал зеркала для шауттов, – сказала Бланка.

– Марид создал их для себя, но потом, во время войны Гнева, был обманут шауттами, и те использовали их в своих целях. Затем, уже после Катаклизма, Тион запер зеркала силой асторэ, чтобы демоны не могли их использовать.

– А Тэо – асторэ. И ты хочешь, чтобы он попробовал снять «замки» Тиона?

– Стены, которые создал Тион, не являются преградой для асторэ. Только для шауттов. К тому же, Тэо уже попробовал и у него получилось.

– Сюрприз на сюрпризе, рыба полосатая. Значит, в Рионе есть зеркало.

– Их по меньшей мере два, и одно находится там, куда мы не можем пройти, – Бланка легко сделала правильные выводы. – Должен быть вход и выход. Иначе Мильвио не начал бы этот разговор.

– Все так. Зеркало, которое долгие годы принадлежало мне и через которое я проверял Пружину, сейчас как раз где-то среди погибшей Рионы. А второе я видел у Кара в подземелье.

Шерон прекрасно помнила матовое стекло в зеленой бронзовой раме.

– Но та часть здания, где жил Гвинт, разрушилась, когда из подземелья выбралась Нейси.

– В первый же день трагедии я написал герцогу, и он прислал рабочих. Посмотри туда.

Она обернулась, пытаясь рассмотреть через сад дальнее крыло дворца. Увидела развалины, леса, собранные из дерева механизмы...

– Расчищено достаточно, чтобы добраться до подъемника. Узкий лаз, но мы пролезем.

Лавиани кашлянула в кулак:

– Подытожим глупую затею. Мы лезем в логово твоего бывшего друга, который помещался на твоей бывшей подружке, которая ожила, благодаря нашей нынешней подружке,

и устроила всю эту чехарду. Там забираемся в зеркало и оказываемся вон в том очаровательном месте, где вечные сумерки, тысячидохлых треттинцев и собачонка Облако. Ее, по уверениям евнуха, сможет легко прикончить наша новая Мири, потому что так написано звездами в небе и кошачьими лапами на снегу. Я ничего не упустила?.. Все это как-то довольно сомнительно выглядит, не находите?

– И снова я повторяю, что у нас маленький выбор, сиора. Мы либо бездействуем и ждем, когда полностью обессилеем, либо рискуем. ...Идти придется через другое пространство. С иными законами. Мир Марида медленно умирает и разрушается. Одно неловкое движение и все начнет рассыпаться.

– Это означает, меня ты не возьмешь с собой? – произнесла Шерон голосом человека, уже принявшего неизбежное.

– Если твоя броня снова даст трещину, ты станешь обузой. Я не смогу бросить тебя и двигаться дальше, мне придется вернуться. Слишком рискованно.

– А я в принципе не против прибить зверушку Кара, – заявила Лавиани.

– Увы, сиора. Тебя мы тоже с собой не берем.

– Что ты такое говоришь, Фламинго?! – возмутилась сойка, тут же вскакивая на ноги. – С каких это пор тебе решать?! Потому, что у меня нет талантов?

– Ты хороший боец даже без них, я не отрицаю, но есть вещи, из-за которых тебе придется остаться. Если с нами пойдет человек с кровью таувина... – Мильвио сказал это даже с сочувствием. – Шаутты слишком сильно изменили любимую игрушку Марида, и теперь она чувствует таких, как ты, и защищается. Там, внутри, слишком много острых осколков.

Сойка скрипнула зубами, хотя и приняла аргументы.

– Значит, идете трое?

– Четверо, – о присутствии Ради все забыли, и вот он напомнил о себе. – Идут четверо. Один из следов Мири будет рядом.

Он сказал об этом, как о свершившемся факте, не сомневаясь в своем праве.

Все повернулись к треттинцу, ожидая его решения.

– Храм всегда существовал особняком, – наконец произнес тот. – Даже во времена Единого королевства. Ваш путь был непонятен, странен и подозрителен. Те «следы», что вы оставляли на песке истории, приводили к разным последствиям. Вы хранили книги некромантов, когда их уничтожали в других частях мира, вы изучали запретное, вы признавали лишь Мири... Я не стал бы доверять ни одному из вас, если бы не ваша вера. В нее.

Последовал кивок в сторону Бланки.

– Ваши цели связаны с ней. Вы не сомневаетесь, что она воплощение Мири. А значит, станете помогать ей и защищать ее.

– Так, – поклонился Ради.

– Один из вас может пойти с нами.

Еще один поклон.

– Но как? – Тэо задал давно мучивший его вопрос. – В тот раз ты не смог пройти со мной. Сказал, что не вышло.

– Проблема была в Фэнико. После того, как Марид спрятался там от Тиона, зеркала для меча закрыты. Поэтому я попрошу тебя, – Мильвио вложил тяжелый клинок в руки Шерон, – сохранить его.

– Я сохраню. Не сомневайся. Главное, возвращайтесь.

– Рыба полосатая, – проворчала Лавиани. – Вы лезете в могилу, и даже не ждите, что я приду вас вытаскивать.

Глава шестая

Обмен

Мой дорогой племянник!

*Сегодня утром я решил прогуляться по Великому рынку Эльвиля.
И вернулся вечером без денег, без оружия, почти без одежды.*

*О, не пугайся! Меня никто не грабил. Все это я отдал добровольно,
приобретя у торговцев массу предметов, которые, как я понимаю, мне
совершенно не нужны.*

Не помню, где был мой разум в тот момент.

*Мой дорогой племянник! Заклинаю тебя! Если ты когда-нибудь
попадешь в этот город, гони прочь всех дагеварских купцов! Нет никого
хуже в мире, с кем можно заключить, на первый взгляд, выгодную сделку.*

Никого!

Разве что шаутты...

Записки путешественника

Стрелы кончились к обеду.

Вир, занятый тем, что уворачивался от опасного жала алышписа, понял это не сразу. Его собирались проткнуть, словно жука, и острие грозило, попеременно, его лицу и животу. Противник попался злой, опытный, да еще в два раза тяжелее и, несмотря на то, что оба они стояли по колено в воде, наседал.

Алышпис был не длинным, как это полагалось для отражения атаки конницы, солдат укоротил восьмигранное древко, попросту отпилив, но даже этого хватало – и теперь заставлял Вира отступать, то и дело коя перед собой, не давая возможности использовать меч. Он так горел желанием прикончить верткого ученика Нэ, что не видел ничего, кроме него.

Один из тех, кто держал оборону Бродов, сражаясь вместе с Виром и еще тремя сотнями других пехотинцев, воспользовался этим обстоятельством и ударил настырного типа с алышписом моргенштерном в голову, сминая легкий шлем, точно тот был сделан из войлока, а не стали.

Оба, не удержавшись, рухнули в воду. Вир бросился к спасителю, за локоть вытащил его, отплевывающегося, потерявшего оружие. Пошарил свободной рукой по дну, нащупал древко проклятущего алышписа и сунул ириастцу в руки.

– Спасибо, брат, – ответил тот на своем языке, не разобравшись, что уроженец Пубира мало его понимает, и врубился в свалку рядом. Там, в сияющих на солнце брызгах, хрипя и ругаясь, блестя сталью, дрались, резали и рубили мужчины, пуская друг другу кровь.

В ход шли кинжалы, топоры, стальные кулаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.